

ЭЛИЗАБЕТ РОМАН

КАРТИНЫ
СТРАСТИ

Шесть лет назад распутный маркиз Сент-Аустелль предал лучшего друга и свое собственное чувство чести, соблазнив сестру Лионеля — Лавидию Тракерн. Сейчас Сент-Аустелль нанял Лионеля в качестве художника и снова встретился с Лавидией.

Bilder der Leidenschaft by Elizabeth Rolls, 2010

Элизабет Роллз «Картины страсти», 2017

Переводчик: Алёна Дьяченко

Вычитка: Юлия Монкевич

Оформление: Юлия Монкевич, Алёна Дьяченко

Обложка: Алёна Дьяченко

Глава 1

Она с улыбкой оглядывалась через плечо, наполовину скрывая свое лицо большим капюшоном накидки. И ничего не говорила, а только слегка наклоняла голову, невинно и словно завлекала его одновременно. А затем предмет одежды исчез, а с ним и образ, который он хотел запечатлеть. Мужчина хотел окликнуть девушку, но из его уст не вылетело ни звука. Она исчезла. И ничего не осталось, кроме неутолимой тоски и чувства большой потери...

Он неожиданно проснулся и резко сел. Вокруг было темно. Казалось, будто его легкие горели. Должно быть, ему приснилось что-то плохое. Определенно, ему приснился кошмарный сон. Холодный пот покрывал его тело, пока сердце неистовствовало. Напрасно он пытался вспомнить подробности. Да, он мечтал. О накидке... Больше он не знал ничего. Или напротив! Мужчина желал чего-то, что не мог иметь. Возможно, у него это забрали. Или он это потерял? И что нужно было делать с этой накидкой?

Он медленно откинулся назад на подушки и закрыл глаза. На рубеже между бодрствованием и сном сверкнуло короткое воспоминание. О чем? Или о ком? Прежде, чем он смог ухватиться за эту мысль, мужчина погрузился в беспокойную дремоту.

Эверетт Фитцью — маркиз Сент-Аустелль, пристально разглядывал фрески, которые заказал, когда решил обновить дом в Гросвенор-сквер. В частности, он желал перестроить спальню и недавно художник приступил к работе.

Мужчина вспомнил строки из письма художника.

«Милорд, возможно, вы сочтете, что картины вовсе не соответствуют вашим ожиданиям. Тракерн».

Бездушное холодное «милорд» настолько обидело Эверетта, что при первом прочтении он едва ли обратил внимание на содержание предложения. Раньше Лионель никогда бы не обратился к нему так официально. Он также не подписал бы письмо другу просто «Тракерн».

Вину за это, естественно, он должен был загладить сам.

Поведение Лионеля было логичным последствием того, что сотворил Эверетт. Так что, мужчина проглотил свою досаду, упрямство и чувство стыда и отдал Лионелю заказ.

Вопреки классовому различию, с одной стороны — наследник-маркиз, а с другой — сын школьного мастера, когда-то Лионель был для него как старший брат. Вместо того, чтобы отблагодарить своего друга, Эверетт обманул мужчину, и злоупотребил его доверием таким ужасным способом, что и по сей день мучился угрызениями совести. Молодость и неопытность не казались приемлемым оправданием совершенной глупости. Маркизу не было прощения за недостаток морали и чести.

Теперь, когда Эверетт более внимательно рассмотрел фрески и воспроизвел в памяти содержание того письма, он понял, что стиль Лионеля изменился. И основательным образом! Хотя техника живописи была той же самой, но простые линии, которые казались выразительными в нескольких штрихах древесного угля, передавали все самое важное. Даже шесть лет назад картины Лионеля, хотя блестящими они были уже тогда, лишали Эверетта дыхания. Его полотна обладали сильным эротическим подтекстом. Но это была совершенно иная болезненная чувственность.

Мужчина сплотнул, а потом еще раз взглянул на стройную нимфу, контуры которой теперь украшали сразу несколько стен его спальни. Кем она была? Эти образы все еще были не более, чем эскизами. Но даже когда произведения будут закончены, ее личность так и останется тайной. На каждой из пяти картин незнакомка отворачивала свое лицо. Только на одной она оглядывалась через плечо, но огромный капюшон накидки наполовину скрывал ее лицо. Бросала ли девушка на кого-то прощальный взгляд?

На следующей картине она стояла спиной, пока прижималась к своему возлюбленному, который как раз наклонил голову, чтобы коснуться ее губ.

На третьей картине было изобилие локонов, которые скрывали лицо нимфы стоящей перед мужчиной на коленях. Удивительно, как Лионелю удалось передать блеск ее волос несколькими штрихами! Художник назвал эту картину: «Нимфа, поклоняющаяся Богу Аполлону, когда дарит ему поцелуй Венеры».

Буйные кудри скрывали то, что происходило. Но голова обнаженного Бога была откинута назад в экстазе. Отчетливо просматривались его напряженные мышцы, а так же рука, которая наполовину скрывалась в волосах нимфы, и пальцы, одновременно нежно и властно ласкающие шею красавицы. Ох, не было никаких сомнений в том, чем она была занята в тот момент.

Эверетт сплотнул. У него внезапно пересохло в горле. Он едва ли решился взглянуть на четвертую картину. Там нимфа предавалась страстной любовной игре со своим бессмертным любовником.

На последнем полотне женщина лежала удовлетворенной и спящей в руках своего возлюбленного, который нежно гладил ее лицо, которое также нельзя было узнать и здесь.

Эверетт закрыл глаза и представил себе, как он сам нежно проводит пальцами по золотистым локонам нимфы. Это было так реально, как будто бы он чувствовал ее мягкую щеку на своем плече и так, словно слышал ее тихое дыхание. Маркиз сделал бы все, чтобы не потерять ее снова. Он не вынес бы жизни без нее...

Грохот колес кареты вырвал его из грез наяву, и мужчина снова перевел свой взгляд на заказанные полотна.

«Кем она была? Кто позировал для этих картин?»

Проклятье, Лионель был последним, кого он добровольно нанял бы на работу художником!

Шесть лет назад Лионель предъявил ему ультиматум. Эверетт согласился и заверил

друга, что будет обходить его стороной. Он добросовестно сдерживал обещание. Маркиз совершенно случайно узнал от их общего друга, что Лионель уехал в Италию. Почему? Может, не доверял ему вопреки всему сказанному?

После того, как Лионель покинул Англию, казалось, мужчина прекратил контактировать со всеми старыми знакомыми. Эверетт никогда не узнал бы о его возвращении на родину, если бы бывший друг не отправил ему весточку. Лионель написал маркизу письмо, в котором попросил отдать заказ ему. Внутри послания находилось несколько эскизов.

«Как Лионель мог узнать о том, что я ищу кого-то, кто облагородит мою спальню специфическими фресками?» — спрашивал себя Эверетт. Было ли вообще известно, что так он хотел отпраздновать отъезд своей двоюродной бабушки? Старая дама решила покинуть особняк на Гросвенор-сквер, чтобы переселиться к кузену, который жил в деревне.

Эверетт снова погрузился в воспоминания четырехлетней давности, когда унаследовал титул своего отца, и некоторое время находился в замешательстве, пока обдумывал, стоило ли ему перестроить и занять дом в Гросвер-сквер. Конечно же, новоиспеченный маркиз мог сделать со своей собственностью все, что ему вздумается. Тем не менее, тогда он принял решение, что позволит своей двоюродной бабушке жить там и дальше. А сам обоснуется в принадлежащей ему квартире, подальше от семьи. Одно он знал точно. Его двоюродная бабушка — Меллисент, будет читать ему нотации каждый раз, как только он сделает что-нибудь, даже отдаленно напоминающее скандал.

Эверетт сильно обижался на нее за то, что она откровенно осуждала интерес внучатого племянника к искусству. Точнее, Меллисент скорее отрицала отсутствие у него художественного вкуса, чем искусство как таковое. Что само по себе было достаточно плохо. Мужчина считал непрослительным то, что она залила багровой краской одну из его любимых картин — чудесную обнаженную натуру, которая висела в одной из немногих комнат для гостей.

Теперь Эверетт хотел за это отомстить. Да, фрески были чудесной мстью. Вероятно, его двоюродную бабушку хватит удар, когда она узнает, что из себя представляли эти картины. Что же, по крайней мере, она больше не будет беспрестанно говорить о достоинствах старого благочестивого маркиза. Поскольку, тот умер уже много лет назад, и не мог возбудиться от эротических картин, которые теперь покрывали стены его бывшей спальни, в противоположность своему сыну.

Полдюжины художников делали предположения о том, как могла бы быть оформлена комната. И все же, идея ни одного из присланных эскизов, не понравилась Эверетту. Потому что, разумеется, мужчина требовал нечто эротическое. Но те, что показывали ему, выглядели либо безвкусными, либо развратными. Даже если в первую очередь, он хотел рассердить двоюродную бабушку, то маркиз ни в коем случае не собирался спать в помещении, изобилующем второсортными изображениями.

Эскизы Лионеля были единственными, которые понравились Эверетту. Когда он рассматривал их, его пульс учащался. Но мужчина был почти готов отвергнуть и их. Потому что даже спустя шесть лет рана все еще болела, если на нее сыпали соль. Но когда он прочитал адрес отправителя, недалеко от Вестминстер-бридж, это означало только одно — финансовые дела Лионеля были плохи.

Теперь он чувствовал себя обязанным отдать заказ бывшему другу. Так как посредством последнего, он мог помочь ему и вероятно, таким образом исправить немного из того, что

когда-то натворил. Маркиза все еще мучило его позорное прошлое, которое привело к окончанию их дружбы.

Глава 2

Эверетт оправдывал свое решение именно этим. Пока он рассматривал эскиз нимфы, и то, как она поклонялась Богу, мужчину охватило возбуждение.

Позже он написал ответное письмо Лионелю, в котором перечислил особенности своего заказа, но даже словом не упомянул о причинах их ссоры. В конце концов, Эверетт не выдержал и вежливо спросил, все ли хорошо у него и его сестры.

Даже сегодня маркизу было стыдно, когда он думал о Лавидии Тракерн. Мужчина никогда не перестанет сожалеть о том, что сделал из эгоизма, глупости и юношеской необдуманности. Он не мог заставить себя упомянуть ее имя в письме к Лионелю. Тем более не в письме, в котором шла речь о таком особенном виде фресок. Нет, Эверетт даже намеком ничего бы не написал о Лавидии.

В своем ответе Лионель говорил только о картинах и предлагаемой за них оплате. Художник согласился со всеми условиями, однако выдвинул требование. Гонорар должен быть внесен в «Хоэр'с Банк», что позволило бы поддерживать только письменный контакт и никогда не встречаться лично.

Это, как определил Эверетт, только доказывало то, что Лавидия все еще была на иждивении Лионеля.

Нахмурившись, маркиз снова обратился к наполовину законченным фрескам. До сих пор речь шла только о эскизах, выполненных карандашом в пяти различных мотивах. Лионель начнет цветное исполнение, когда получит первую часть гонорара. Оплату нужно было срочно отправить. Чем скорее Лионель получит деньги, тем быстрее закончит с картинами. «И тем скорее я смогу переехать в дом», — подумал Эверетт.

Маркиз не должен был здесь находиться. В конце концов, он согласился на то, что личных встреч не будет. Тогда, черт возьми, почему он пошел в район Вестминстерского моста и подкупил там лавочника, чтобы тот дал ему точный адрес семейства Тракерн?

Эверетт давно внес сумму в банк, которую был должен Лионелю. Но теперь он все же стоял у входа во двор маленькой площади, окруженной скромными, покосившимися домами, которая называлась Литл Фриманс. Он собирался разорвать соглашение с Лионелем, хотя для этого не было ни единой причины. Разве только...

«Проклятье, я просто хочу снова увидеть Лавидию воочию! Ничего более».

Вероятно, он желал позволить себе нечто, вроде компенсации. Несомненно, маркиз не собирался совершить еще хоть что-нибудь, о чем мог бы сожалеть всю оставшуюся жизнь. Однако, сейчас он шел к бывшему другу, и приближался к сырому, плохо пахнущему проходу, который образовывал единственный доступ во двор, да и вообще маловероятно, что Лавидия все еще жила у своего брата. Лионель никогда бы не допустил, чтобы его сестра обитала в таком месте. Вероятно, она вышла замуж или...

«Вышла замуж!» Эверетт заметил, что сжал руки в кулаки и заставил себя расслабиться. Он не пошел бы к нему, если бы Лавидия вышла замуж. Маркиз сам собирался обвенчаться. Конечно, он еще не познакомился лично с мисс Ангастон. Но его тети очень тактично связались с семьей молодой дамы. Все участники сошлись на том, что это будет замечательный союз. Фиби Ангастон была богата и прекрасна, и Эверетт тоже был богат, а кроме того, имел титул. Это был именно тот тип брака, который, по мнению его

родственников, он должен был заключить.

С детства ему снова и снова объясняли, что брак — это обязательство, от которого он не сможет уклониться. Речь шла об обеспечении общественного положения, увеличении богатства, и дальнейшего существования семьи. Любовь не играла никакой роли.

Лионель никогда не ставил это под сомнение. А сам Эверетт? Сейчас он еще хорошо помнил о том, как отец спокойным голосом называл имена девочек, которых считал подходящими в будущем супруги, прежде чем, улыбаясь, говорил сыну, что тот ни с чем не должен торопиться. Указывая на то, что Эверетт, если у него на это будет желание, сможет перед свадьбой спокойно выпустить пар, как и другие мужчины. Тогда это казалось ему вполне нормальным и логичным. Так поступали многие.

Тем не менее, его отец, был уже мертв четыре года и Эверетт ощущал, что пришло время создать семью. Повторные, слишком четкие указания его тети были абсолютно лишними. Мужчина сам знал, что нужно было делать. Он знал это с тех пор, как проснулся утром после своего последнего дня рождения с больной головой и пересохшим ртом, и едва узнал себя в зеркале. В ту секунду Эверетт понял, что он как виконт, нес ответственность за людей, которые зависели от него и что ему, наконец, нужно было повзрослеть.

Эверетт остановился у входа в пассаж. Мужчине показалось, что он услышал чей-то храп. Маркиз осторожно принюхался. Пахло неприятно, кисло. Какой ужасный район! Шесть лет назад Лионель жил в красивой квартире в Блумсбери с Лавидией, которая вела у него хозяйство. Конечно, речь шла о не особо элегантном доме, но номер выглядел красиво оформлен и там было чисто. И Лионель имел возможность все оплачивать со своих доходов художника. Почему, ради всего святого, он теперь жил здесь?

Эверетт нерешительно зашагал дальше. В проходе было очень темно. Но теперь маркиз определил, что храп исходил от человека, который лежал на земле рядом с влажной стеной, посреди старых газет, которые он вначале посчитал кучей выброшенной одежды.

Из-за неприятного кислого запаха, Эверетт сделал поверхностный вдох и быстро двинулся вперед. Когда же он прошел мимо спящего мужчины, то смог почувствовать отчетливый запах джина. Маркиз спешно направился во двор. В сумерках наступающего вечера дома выглядели еще безнадежнее. Казалось, что для того, чтобы стоять прямо, они прислонялись друг к другу. Эверетт попытался внушить себе, что при дневном свете все будет выглядеть лучше. Напрасно. Здесь все и всегда выглядело влажным и убогим. А дождливым вечером как этот, казалось, что даже каждая мелочь буквально источала отчаяние.

В открытой двери стоял мальчик и пристально смотрел на маркиза. Когда Эверетт к нему приблизился, в его взгляде промелькнул испуг. Мужчина остановился.

— Здравствуй, мне нужно попасть к Лионелю Тракерн.

Мальчишка пожал плечами.

Растрепанная рыжая пятнистая кошка кралась мимо. Она несла в пасти крысу, которая была почти такой же огромной, как она сама.

Не отрывая взгляда от ребенка, Эверетт засунул руку в карман и встряхнул в нем несколько мелких монет. Они брякнули, ударившись друг об друга.

— Это кошка украла твой язык?

Мальчик покачал головой и на мгновение в его взгляде промелькнуло что-то наподобие веселья.

— Нет, нет, она тащила крысу, толстую жирную крысу.

— Точно. И если мне не изменяет слух, ты и в самом деле можешь говорить. Итак, где живет мистер Тракерн? — маркиз снова побренчал монетами.

Мальчик, без энтузиазма поднял руку и указал на дверь на другой стороне двора, к которой вели несколько косых ступеней.

— Скорее всего, там. Но возможно, что внутри никого нет, ведь такого парня как вы, здесь непременно заметили бы.

— Спасибо, — Эверетт бросил мальчику монету.

Тот неожиданно ловко ее поймал, и она сразу исчезла где-то в грязном рванье, в которое он был одет.

После того, как мужчина пересек двор, он осторожно начал подниматься по деревянным ступеням. Они издавали странные звуки, как будто протестовали против того, что на них кто-то наступал. Эверетт и в самом деле боялся, что конструкция в любой момент могла обрушиться. Но она все же выдержала, так что мужчина достиг двери, которая была сколочена гвоздями из разномастных досок. Он недоверчиво ее осмотрел, и лишь потом постучал. Поскольку она не распалась на части, маркиз, пожалуй, мог надеяться на то, что Лионель ее откроет.

«А если он просто сбросит меня с лестницы, не позволив даже оправдаться?» — подумал Эверетт.

Через некоторое время он услышал, как с обратной стороны раздались легкие шаги. А затем кто-то спросил:

— Кто там?

Сердце забило. Это не был мужской баритон, которого ожидал Эверетт. Он знал этот мягко звучащий чистый голос, который неизбежно напоминал ему музыкальное произведение. Мысли в голове мужчины вдруг смешались, и долгое мгновение с его уст не слетало ни звука. Была только одна единственная мысль: «Лавидия!»

«Лавидия», — подумал маркиз. — «Она здесь!»

И в то же самое мгновение по нему прокатилась волна гнева.

— Это я — Эверетт, — наконец, произнес он. — Впусти меня!

Засов отодвинулся и дверь открылась.

— Кого я вижу, — насмешливо сказала Лавидия Тракерн. — Вы не утратили своего шарма за последние шесть лет.

Мгновение маркиз ничего не мог поделать, кроме как смотреть на женщину, стоявшую в дверном проеме. Он особенно старался сопоставить появившуюся Лавидию с образом, который хранил в своей памяти. Тогда она была красивой девушкой, веселой и беззаботной. Время не слишком изменило ее. В любом случае, он всегда и везде узнал бы светло-карие глаза с длинными ресницами, а также рыжее золото блестящих волос и маленький округлый подбородок. Сейчас она изящно подняла покрасневшую от работы руку, чтобы привычным жестом убрать локон со лба.

«Это Лавидия», — думал он. — «Несомненно, Лавидия». Но от него не ускользнуло, что ее глаза, которые когда-то излучали жизнерадостность и выражали огромную счастливую невинность, смотрели теперь на мир с большой осторожностью. Так же, в них наблюдалось, и кое-что еще... что-то темное, что Эверетт был не в состоянии распознать. Скорбь? Возможно, отчаяние? Ее волосы, которые в то время она носила собранными в неплотный узелок, из которого снова и снова выбивались отдельные пряди, сейчас были туго затянуты в пучок. Тем не менее, один из локонов все же упал ей на лоб. Ах, какой мужчина не ощутил

бы желание дотронуться до него?

Глава 3

Эверетт сглотнул и устремил свой взгляд на губы Лавидии. Обворожительные губы. И если раньше, девушка охотно и часто улыбалась, то теперь выглядела так, будто совсем забыла, что такое улыбка.

— Во имя Юпитера, Лавидия, — воскликнул Эверетт, — о чем Лионель думал, когда поселил тебя в такой дыре как эта? — он сделал шаг вперед во влажную темную комнату, потому что прихожей здесь не было.

Глаза красотки полыхнули от гнева.

— Я вас не приглашала.

Ее тон был настолько ледяным, что Эверетту сразу вспомнилось то, о чем ему лучше было бы забыть. Маркиз расправил плечи.

— Ты не хотела меня впускать, но все же открыла мне дверь? — мужчина мгновенно пожалел о своих словах. Боже, Лавидия имела все причины и все права, чтобы захлопнуть дверь у него перед носом!

Она сжала руки в кулаки и черты ее лица окаменели.

— Даже если дверь открыта, милорд, я в состоянии спустить вас с лестницы.

Маркизу пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, потому что слова девушки причинили ему нестерпимую боль. И все же, Господь был свидетелем, Эверетт не заслуживал подобного отношения к себе!

— Мне жаль, — тихо произнес мужчина. — У меня не было намерения обидеть тебя.

— Конечно, нет. Вы же вообще ничего не планировали!

Раньше Лавидия не была настолько недружелюбной и грубой!

— Я знаю, что совершил ошибку. Мне никогда не стоило прикасаться к тебе.

— Вы совершили ошибку? — холод отразился во взгляде девушки. — Какая досада, — уголки ее губ дрогнули. Неожиданно, Лавидия их поджала. — Мы договорились, что у нас не будет личных встреч. Почему вы не придерживаетесь соглашения?

— Это ты настояла на этом условии договора?

Девушка пожала плечами.

— Теперь уже не важно, кто придумал это условие.

Маркиз так не считал.

— Где Лионель? — Эверетт все еще растерянно осматривался по сторонам. — Как художник, он никогда не зарабатывал плохо. И эскизы, которые он мне прислал, выглядели очень хорошими, так что теперь твой брат сможет назначать более высокие цены за свои произведения. Почему вы живете здесь?

Лавидия приподняла одну из своих тонко изогнутых бровей.

— Вы имеете в виду, здесь — в этой дыре? Что же, времена изменились, а с ними и мода. Это, милорд, также влияет на цену искусства, как и на стоимость... женщины.

— Пожалуйста, не делай этого!

— Что, не произносить правду?

— Не обращай ко мне «милорд», будто мы — незнакомцы, — маркиз постарался проконтролировать свой гнев и проигнорировать то, как сильно Лавидия ранила его чувства. — Пожалуйста, позволь мне помочь тебе и Лионелю! Я могу дать вам денег. Или...

— Нет! — отрезала девушка.

— Проклятье, Лавидия! Это просто деньги! Они ничего не значат.

— Так может говорить лишь тот, у кого их в избытке, — усмехнулась она. — Кроме того, я буду задаваться вопросом, почему вы решили нам помочь. Уж не из-за того ли, что сделали шесть лет назад?

Мисс Тракерн думала, что маркиз решил искупить свой позор деньгами? Теперь уже Эверетт сжал ладони в кулаки.

Они долго смотрели друг на друга. В ее глазах по-прежнему сквозил холод! Мужчине пришлось отвести взгляд. О, Господи, было так тяжело сохранять самообладание!

Когда же Эверетт, наконец, снова взглянул на Лавидию, то стал еще меньше понимать, как вести себя в этой неприятной ситуации, чем в той, что сложилась до этого. Девушка все еще наблюдала за ним, при этом ее лицо было таким же невыразительным словно маска. Мужчина снова разгневался. Он стиснул зубы и принял скоропалительное решение.

До сего момента, Эверетт едва ли обращал внимание на бедно обставленную комнату, которая, кроме всего прочего, освещалась лишь одной свечой. Но теперь он заметил множество картин, расставленных повсюду.

— Я куплю несколько картин, — заявил маркиз.

— Я не понимаю...

Действительно ли он собирался это сделать? Как бы то ни было, теперь мужчина испытал облегчение от того, что лицо Лавидии больше не напоминало безжизненную маску, а приобрело озадаченное выражение.

— Картины Лионеля всегда мне нравились, — объяснил Эверетт. — Некоторые я бы хотел приобрести, — если он выберет несколько, то заплатит семье Тракерн достаточно денег, чтобы они смогли переехать. Это был именно тот способ, которым маркиз мог помочь им, не задевая их гордость. Они смогут покинуть этот ад и от его финансовой поддержки, Лавидия не будет ощущать себя, словно блудница, которой за это заплатили.

— Но вы даже не посмотрели ни одну из картин! — запротестовала девушка.

Действительно, картины стояли так, что была видна только их пустая обратная сторона. Собственно, Эверетт и не собирался рассматривать полотна. Если их написал Лионель, то все они были великолепны. Но все же, мужчина спокойно произнес:

— Это можно изменить.

Эверетт целеустремленно подошел к стопке, которая была прислонена к ножке стола, наклонился и стал рассматривать картины.

Там были совершенно разные мотивы. Например, горный ландшафт, скорее всего, написанный Лионелем в Италии. Красивая, создающая настроение картина, которая могла бы стать, как и все другие, украшением любой серьезной коллекции произведений искусства. Так что Эверетт вытащил ее, отставил в сторону и принялся осматривать следующие полотна.

У маркиза едва ли не перехватило дыхание. Какие цвета! Какой простор! Это всеобъемлющее чувство уединенности! Пляж, небольшие волны и в углу крошечная человеческая фигура, которая выглядела в свете заходящего солнца погруженной в золото. Мечта, очень печальная мечта...

Эверетт вытащил картину из стопки и поставил ее к горному ландшафту.

Он выбрал себе и третью картину. Следующий мотив представлял собой пестрое море цветов. И тогда... Он узнал этот вид! Нет, маркиз не знал это как сюжет картины. Он на самом деле это видел, в далеком прошлом. Девушка, которая сидела подоткнув под себя

ноги, в изношенном старом кресле и гладила полосатого котенка. Ее голова была наклонена немного вперед, пока золотисто-рыжие локоны, поблескивая, падали ей на лицо. Как прекрасна она была!

Планировал ли Лионель произведение или оно было создано после непростительного события?

О, Боже, Эверетт должен был заполучить ее!

Он осторожно поставил полотно к двум другим картинам.

— Сколько они стоят?

Лавидия пристально посмотрела на него. Прошло мгновение, прежде чем девушка спросила:

— Вы хотите все три? И пляжный пейзаж?

— Да, он особенно мне приглянулся. Сколько?

Неожиданно она стала выглядеть испуганной и затравленной, будто очутилась на грани паники. Ее глаза округлились, а губы задрожали.

— Я... Я не знаю, — начала заикаться девушка.

— Пятьдесят? — предложил он.

— Пятьдесят за все? — казалось, будто ее загнали в ловушку, так что теперь Лавидия смотрела на Эверетта почти возмущенно.

— Пятьдесят за каждую.

— Это, — утвердительно сказала девушка, — слишком много.

— Ничуть, — возразил мужчина. — Они прекрасны. Буквально великолепны. И определенно, имеют свою изюминку, — эти слова не были ложью. Прежде всего, пляжный пейзаж смотрелся просто чудесно. Так же, как и фрески в его спальне, картина выражала глубокую тоску. Тоску, которая, к счастью, отсутствовала в других произведениях. Должно быть, Лионель изменил свой стиль. И хотя его более ранние работы тоже были достойны восхищения, но в целом, казались менее эмоциональными.

— Что с ним произошло, Лавидия? — спросил Эверетт, но так и не оторвал взгляда от картины.

— Я... Он... Что вы имеете в виду?

Маркиз посмотрел вверх.

— Мужчина, которого я помню, не нарисовал бы такую... такую откровенную картину как пляжный пейзаж.

Казалось, что с лица Лавидии сошли все краски.

— Но...

— Это очевидно, — продолжил Эверетт, — что-то его изменило. Он сохранил свою технику, но все стало другим. Это не старый Лионель.

Девушка закусила нижнюю губу, и черты ее лица слегка смягчились.

— Я думаю, на него повлияло итальянское мировоззрение, — быстро произнесла она и ее щеки снова покраснели. — Да, Италия меняет всех, кто там живет.

Лавидия никогда не была хорошей лгуньей. Ее пальцы, которые она сейчас нервно сжимала и разжимала, выдали ее. Но Эверетт не хотел с ней спорить.

— Хм-м... — только пробормотал он. — Я беру все три. Я сразу отнесу деньги в банк, если это вас устроит. А завтра я вернусь, чтобы выбрать еще несколько картин.

Она растерянно посмотрела на него.

— Еще несколько?

— Да, — кивнул маркиз. — Сейчас же, мне очень хочется забрать с собой эти. Но, я определенно, куплю и другие, которые мне понравятся. Дай мне пару минут, чтобы я смог выбрать те, за которыми вернусь завтра.

Лавидия молча, смотрела на то, как он потянулся к следующей стопке полотен. Казалось, что у нее все сжалось внутри, пока каждый новый удар сердца причинял девушке боль. Да и что она могла? Когда мужчина отставлял в сторону все больше и больше картин.

Глава 4

Лавидия посмотрела на себя и заметила, что пальцами теребила материал фартука, который был заляпан цветными пятнами. «О, Боже! Если он сейчас это заметит!» Как можно более незаметно девушка стащила с себя грязную вещь и запихнула в ящик.

Эверетт так погрузился в изучение картин, что, к счастью, не обращал на нее внимание. Она рассматривала его и добавляла к образу, который сохранила в своих воспоминаниях, новые черты, отчего все ее чувства прибывали в смятении.

Почему ее все еще так захватывало его созерцание? Мужчина присел, чтобы еще ближе рассмотреть полотна. Такое положение, скорее всего, было неудобным, но он выглядел совершенно расслабленным. Маркиз и в прошлом был в хорошей физической форме. О, да, Лавидия не забыла, насколько он был мускулистым. На мгновение ей показалось, словно она могла почувствовать под своими пальцами сильные мышцы Эверетта. Девушка разглядывала его широкие плечи, узкие бедра, сильные мужские руки.

О чем он сейчас думал? Возможно, уже догадывался об обмане? Лавидия ощутила страх и у нее пересохло во рту.

— Завтра я приеду на карете, — сообщил маркиз. — Как ты думаешь, Лионель и дальше собирается избегать меня? Что ты ему скажешь?

Лавидия глубоко вздохнула. Мысли в ее голове перепутались, но она должна была найти ответ на вопрос Эверетта.

— Я когда-нибудь говорила Лионелю что-либо, кроме правды?

В его темно-синих глазах не отражалось ничего, кроме любопытства.

— ... этого я не знаю. Я лишь задаюсь вопросом, будет ли он сердиться на тебя за то, что ты впустила меня. В конце концов, он отказался встретиться со мной. Он не хочет меня видеть, не так ли?

— Я была такой... — девушка замолчала.

Эверетт медленно поднялся. Он выглядел так, будто собирался получить несколько ударов.

— Ты мне не доверяешь.

— Не совсем. Это значит... Значит, что... — напрасно Лавидия старалась удержать дрожь в руках. — Я была такой глупой.

— Нет, — серьезно произнес Эверетт. — Ты не должна корить себя. Это была моя ошибка.

— О, нет, не только ваша, — бормотала девушка. И поскольку маркиз выглядел так, будто был готов возразить, она быстро продолжила: — Мне стыдно говорить о собственной глупости. Если бы я иначе вела себя, этого никогда бы не произошло. Я говорила об этом также и Лионелю.

— Я не должен опасаться, что Лионель бросится на меня с ножом, если узнает о моем посещении?

«О, Боже!»

— Лионель уже давно простил вас.

— В самом деле? — удивился Эверетт. — Но ты простить меня не можешь.

Гордость Лавидии пострадала, но она ее не утратила.

— Нет ничего, что нужно было бы прощать, — пояснила девушка. — Я также как и вы совершила ошибку, — конечно, это была очень глупая ошибка. Как только она могла подумать, что дочь школьного мастера будет что-то значить для такого дворянина как Эверетт? — И я предпочитаю не вспоминать об этом.

Его подбородок дрогнул.

— Тогда я освобожу тебя от своего присутствия, — маркиз наклонился к картинам.

— Подождите!

— Да?

— Пошел дождь. Нужно завернуть полотна в бумагу, чтобы их защитить.

К несчастью, оберточная бумага находилась в том же ящике, куда Лавидия спрятала фартук.

Девушка выдвинула ящик и постаралась унять дрожь в руках. Она схватила бумагу, осторожно ее вытащила и повернулась к Эверетту, который поставил три картины на стул. Помедлив, Лавидия приблизилась к мужчине, держа перед собой обертку как щит. Перед стулом она опустилась на колени и начала заворачивать первую картину.

Это был портрет. Лионель нарисовал его прежде, чем уехал в Италию. А точнее — *прежде* всего. Какой беззаботной она была тогда! Как она смеялась и строила планы! Так мало было уготовано ей горя. Смерть котенка, конечно... Да, бедный, маленький Оливер... Она еще так хорошо его помнила. Как давно это было!

Лавидия подавила вздох у следующей картины, чтобы упаковать ее. То, что Лионель нарисовал горный пейзаж, осталось уже в прошлом. Как великолепно выглядели горы, одна выше другой, дикое нагромождение вершин, которые, казалось, стремились в небо.

— Важно знать, почему что-то рисуешь, — говорил Лионель. — Здесь у меня речь идет о противоположностях постижимого и непостижимого, о небе и земле, о земных границах и бесконечности, — она точно поняла, что он подразумевал. И теперь, когда вспомнила о его словах, ее глаза наполнились слезами. Девушка поспешно обратила свое внимание на третью картину.

Это не помогло. Ей по-прежнему хотелось плакать. Она сглотнула и в последний раз посмотрела на далекий пляж с одинокой фигурой, пойманной между землей и морем, потерянной...

Лавидия медленно выдохнула. Она так неохотно расставалась с этими произведениями, хотя знала, что лучше их отдать. Гораздо лучше. Прежде всего, чтобы заплатить аренду и купить немного еды.

Она поднялась и взглянула вверх на Эверетта. Девушка чувствовала, что может доверить ему картины, потому что он знал их стоимость. А потом Лавидия заметила, как мужчина нахмурился.

— Что-то не так? Вы передумали?

— Нет. Я только сейчас понял, насколько важно сохранить эти картины.

В определенных ситуациях Эверетт всегда мог прочесть ее мысли. Но теперь она не хотела об этом вспоминать.

— Вы бы не потратили свои деньги на картины, которые для вас ничего не значат.

Вот! — девушка вручила маркизу три свертка. — Возьмите их!

Когда он принял картины, их пальцы соприкоснулись, и горячая волна накрыла Лавидию. Теперь Эверетт стоял настолько близко к ней, что она могла рассмотреть каждую его ресничку. Так близко, что девушка смогла отметить, что маркиз побрился нынешним утром, а также ощутила запах его одеколona.

Когда-то этот аромат заполнял весь ее мир. Тогда у нее еще были сны. Лавидия думала, что однажды Эверетт заметит, что она больше не ребенок, а женщина, которая сможет сделать его очень счастливым. Она представляла себе, как он нежно будет ласкать ее и как она прижмется своей щекой к щеке мужчины.

Иногда фантазии становились почти реальными. Но некоторые из них оставляли горький привкус.

Сердце Лавидии забилось быстрее, когда взгляд Эверетта метнулся вверх и маркиз посмотрел на нее своими темно-синими глазами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты должна отпустить, — сказал он.

Она это сделала. И уже давно. Но затем девушка поняла, что он имел ввиду. Она все еще сжимала картины. Лавидия быстро убрала руки. Картины перешли во владение Эверетта. А ей показалось, что она потеряла что-то, что принадлежало непосредственно ей.

Маркиз запихнул под мышку обмотанные бумагой полотна и протянул Лавидии несколько золотых монет.

— Что это?

— Задаток, — мужчина окинул помещение взглядом. — Здесь безопасно хранить деньги?

— У меня есть надежное место, — она закусила нижнюю губу. Эверетт не должен был узнать, что она прятала деньги в корсаже.

Маркиз приподнял брови и быстро взглянул на ее грудь, из-за чего девушка покраснела. Конечно же, мужчина сразу понял, что она подразумевала под «надежным местом». Лавидия расправила плечи и посмотрела ему в лицо. «Он не посмеет это прокомментировать!»

Эверетт молча передал ей монеты.

Она приняла их. Пять соверенов... это было даже больше, чем все то, что побывало в ее руках за прошедшие годы. Лавидия уже и забыла, насколько тяжелыми были такие монеты. На них девушка сможет купить себе немного еды. Ее желудок буквально болел от голода, а пульс отдавался эхом в ушах. Но все же, ей удалось сохранить спокойствие, хотя бы внешне.

Эверетт внимательно наблюдал за девушкой. Казалось, что ее поведение его слегка озадачило.

— В какое время я могу приехать завтра? — спросил маркиз.

— Около пяти, — у нее будет достаточно времени, когда она вернется домой, чтобы убрать то, что он не должен увидеть.

— Хорошо. Лионель будет здесь?

— Нет. Но он не будет иметь ничего против того, чтобы вы пришли. И его не будет, — Лавидия не могла оторвать свой взгляд от его темно-синих глаз, так что ей стоило определенных усилий, чтобы сохранить безразличное выражение лица.

Эверетт направился к двери, но снова обернулся и опять встретился с ней взглядом.

— Лавидия, я писал однажды Лионелю, чтобы убедиться, что ты... что мы... что нет никаких последствий... — он покачал головой, недовольный сам собой. — Пожалуйста,

скажи мне правду. У тебя родился от меня ребенок?

Ее сердце болезненно сжалось, но голос прозвучал спокойно:

— Нет, Эверетт, клянусь, ребенка не было.

Девушка уловила, как маркиз расслабился.

— Хорошо, — сказал он, слегка поклонился и покинул квартиру.

Лавидия закрыла глаза и изо всех сил попыталась сдержать слезы. Наконец-то, впервые между ней и Эвереттом дверь не была закрыта наглухо.

Глава 5

«Боже, благодарю тебя за это», — подумал маркиз.

Лавидия действительно не заслуживала такого наказания за его глупости. Он сказал тогда Лионелю, что если его сестра окажется в положении, то Эверетт не станет уклоняться от ответственности. Позже друг прислал ему письмо, в котором заверил его, что Лавидия не беременна, и что нет причин собой жертвовать.

Почему он должен был не верить Лионелю? Ему было достаточно той информации. Сейчас же, при встрече с Лавидией, мужчина ощутил безотлагательную потребность и от нее услышать о том, что все было в порядке. Так требовала его совесть.

«Естественно, было бы лучше, если бы я никогда не притрагивался к ней вообще...»

Эверетт выдохнул и жестом подозвал кэб (*прим. пер.: кэб — двухколесный экипаж, род кабриолета в одну упряжку*). В первую очередь нужно было защитить картины от дождя. Кроме того, во время поездки у него была возможность спокойно поразмыслить. Было столько всего, о чем он сожалел. Теперь, по крайней мере, у мужчины была еще одна возможность увидеть Лавидию. И почему, ради всего святого, она значила для него так много? Если у маркиза осталась хоть капля чести, то он никогда больше не сможет ее коснуться.

Проклятье, стоило ему только один раз посмотреть в ее золотисто-карие глаза, и в нем уже проснулось желание. Он все еще хотел ее, как и шесть лет назад. Это было просто случайностью, что тогда он встретил ее в одиночестве. Полосатый котенок девушки был раздавлен каретой, что почти разбило ей сердце. Эверетт просто хотел утешить ее. Мужчина собирался лишь на мгновение сжать красотку в своих объятиях. Но он недооценил свою растущую привязанность к Лавидии. Будущий маркиз переоценил свою стойкость и моральную силу.

Мужчина попытался подумать о чем-то другом.

Не вышло. Завтра он снова увидит Лавидию. К сожалению, Эверетт не был уверен в том, что касалось его нравственной силы воли. Он возьмет с собой слугу, чтобы тот помог ему забрать картины. И в любом случае, на следующий день ему следовало покинуть Лондон. Мужчина пообещал, что примет участие в домашнем званом вечере, который устраивала его тетя Каролина в Стейнинг. Она попросила маркиза выступить там, в качестве хозяина. После некоторых колебаний он согласился, прежде всего, потому что это должно было предоставить ему возможность поближе познакомиться с мисс Ангастон — молодой дамой, на которой он, вероятно, женится.

Если Эверетт станет ухаживать за мисс Ангастон, то не сможет соблазнить Лавидию. Для этого он теперь был слишком правильным джентльменом. Жаль только, что шесть лет назад, он совершенно забыл о том, как должен вести себя джентльмен. Оглядываясь назад, мужчина видел только безрассудно смелого молодого болвана, которым он тогда и являлся,

при чем довольно неприятной наружности.

Прибывание в Стейнинг пойдет ему только на пользу. Когда маркиз, наконец, вернется в Лондон, фрески будут готовы и не будет никакой необходимости посещать Лавидию и в третий раз.

Он не мог удержать ее, хотя она и лежала в его объятиях. Волосы девушки напоминали ему душистое покрывало. Ее тело было мимолетным как легкий туман. И все же, мужчина наслаждался ее присутствием.

Как долго продолжалась их близость! Он едва ли мог поверить, что теперь она действительно была с ним. И в то, что красавица покрывала его лицо сладкими, легкими поцелуями. Или, что мужчина снова чувствовал ее дыхание, словно ласку на своей коже.

Тело ощущалось мучительно болезненным, ведь он так сильно хотел овладеть ею. Он повернул голову, чтобы поцеловать ее в губы. Мимолетное прикосновение... и снова появился туман, который разделил их. Мужчина так хотел удержать ее. Но она буквально просочилась сквозь его пальцы. Он собирался окликнуть ее, но увидел, как она заплакала. А потом красавица испарилась.

Когда маркиз проснулся от собственного крика, его горло саднило.

Эверетт упал обратно на подушки. Кожу мужчины покрывал холодный пот. Маркиз чувствовал себя слабым и измученным. Возможно ли, что он заболел? Когда его глаза привыкли к темноте, он схватил стакан воды, который стоял на ночном столике и выпил его большими глотками.

В течение прошедших недель он часто так просыпался. И каждый раз был настолько возбужден, что у него ломило все тело. О чем бы он не мечтал — это не делало его счастливым. Такого рода желание мужчина воспринимал как самую страшную пытку. Он страдал как физически, так и морально. Если бы мужчина еще знал, о чем были его сны! Но все, что он помнил — густой туман.

По-прежнему дрожа, он закрыл глаза. Если, наконец, его возбуждение ослабнет, он снова сможет заснуть.

Колокола церкви Святого Клементя Датского как раз пробили четыре раза, когда Лавидия открыла дверь маленькой квартиры в Литл Фрешмэн Ярд. У нее оставался только час, чтобы умыться, переодеться и прибраться. Было кое-что, что она хотела спрятать от Эверетта. Но работа давалась ей тяжело. Ее спина болела, также как руки и ноги. Как сильно она тосковала по чаю! Но в последнее время она не могла позволить себе этот напиток.

Пока она очищала кисти, то вспомнила, что теперь располагала достаточным количеством денег, чтобы купить чай. У нее было даже достаточно, чтобы переехать в лучший район! Разумеется, было много домовладельцев, которые не захотели бы сдавать жилье художнику. И то, что касалось домовладельцев... Теперь она предпочитала не размышлять над тем, что могли дополнительно потребовать к найму. Как хорошо, что теперь ей больше не придется об этом беспокоиться. Скоро она будет в безопасности. И к ней придет успех.

Звон церковных колоколов оторвал Лавидию от ее раздумий. Пять ударов! А она почистила еще не все кисти! Ей нужно поторопиться!

Когда прозвенел шестой, Эверетта все еще не было. «Опаздывает ли он? Или он не придет вовсе?» Без сомнений, он не думал о том, что Лавидия все это время голодала.

Скорее всего, он даже не понимал, что на свете существовали люди, которые не подзывали слуг щелчком пальцев, чтобы те принесли им что-нибудь поесть или выпить.

Девушка ненавидела эти приступы зависти. Она была так несправедлива. В конце концов, Эверетт оставил ей вчера пять соверенов. Деньги, на которые она много дней могла бы покупать себе что-то на ужин.

Вероятно, маркиз все же решил не приезжать сам, а послать одного из своих слуг. Картины он выбрал еще накануне. И она их уже упаковала. Его присутствие в ее квартире было лишним. Собственно, было бы даже лучше, если бы Лавидия с ним больше не встречалась. Так было бы *проще*.

Девушка закусила нижнюю губу. Почему она должна была опасаться за свою безопасность, когда он четко выразился, что не притронется к ней? Ах, в действительности, она волновалась только лишь о своем сердце. Разве не было у этого глупого органа достаточно времени за прошедшие годы, чтобы стать благоразумным?

Когда в двери постучали, ее сердце неистово забилось. Поистине, не было никаких сомнений в том, что в этот раз оно реагировало также неразумно, как и тогда.

Лавидия последний раз осмотрела комнату, пытаясь удостовериться, что все в порядке, глубоко вздохнула и открыла дверь.

Когда Эверетт увидел Лавидию, его охватило облегчение. Он буквально впился в нее взглядом. Мужчина не мог поверить, что испытывал такой страх. Святые Боги, он даже не знал почему! Было ли это из-за того, что однажды она уже исчезла из его жизни? Или он боялся, что теперь от нее не останется ничего, кроме красивых тягостных воспоминаний?

— Добрый день, милорд. Картины уже готовы. Вам необходима помощь, чтобы донести их до кареты?

«Мне хочется, чтобы она называла меня Эверетт!»

Раньше Лавидия всегда обращалась к нему по имени. Но он разрушил их дружбу, и это было ее право — напоминать ему об этом. Также как и о том факте, что между ними зияла социальная пропасть.

— Я привел слугу, который позаботится о картинах, — пояснил маркиз. Ему было неприятно, что девушка хотела избавиться от него, и, очевидно, по возможности, как можно быстрее. — Мы не задержимся надолго.

Казалось, что она хотела что-то возразить, но только молча отвернулась.

Маркиз наблюдал за тем, как она попыталась расслабить свои затекшие мышцы плеч. Охотнее всего он бы спросил, не нужен ли Лавидии массаж. Определенно, очень скоро ему бы удалось помочь ей расслабиться. Но об этом, конечно, не стоило даже думать. Он не мог прикоснуться к ней, да и в комнате с ними находился слуга.

Эверетт сдержал проклятия и обратился к ожидающему лакею:

— Начнем!

Это не заняло много времени, пока они под удивленные взгляды собравшихся во дворе оборванцев, переносили в карету приобретенные картины.

Собственно, Эверетт не планировал возвращаться еще раз в жалкую квартиру. Но когда он отослал кучера и слугу к кэбу, то снова поднялся по шатким ступеням. Ему непременно нужно было еще раз поговорить с Лавидией о том, что он внес деньги в банк.

Дверь была открыта и это ему не понравилось. В этом районе нужно было быть осторожным. Мужчина подняло руку, чтобы постучать и обратить на себя внимание... и

застыл в движении.

Девушка стояла спиной к нему, и маркиз не мог рассмотреть, что она делала. Но он все-таки понял что, потому что почувствовал запах терпентина. Она чистила кисти. Как часто раньше он наблюдал за ней во время этой работы!

— Лавидия?

Она обернулась.

— О, я думала, что вы уже уехали...

— Не попрощавшись? — на самом деле Эверетт ничего не хотел говорить, но быстро продолжил: — Я забыл сказать, что деньги уже ждут вас в банке.

— Но мы совсем не договаривались о цене.

— Я исходил из пятидесяти фунтов за картину.

У нее округлились глаза.

— Это было только за те три картины, которые вы купили вчера.

— Я выбрал следующие семнадцать. Получается тысяча фунтов.

Девушка уронила кисть и покраснела.

— Это слишком много. Прежде всего, те картины... — она замолчала, и ее лицо снова стало естественного цвета. — Некоторые из картин... не принадлежат к лучшим произведениям Лионеля...

Маркиз кивнул.

— Некоторые были написаны в его старом стиле, — Эверетт наклонился за кистью и поднял ее. — И все же, они так же прекрасны, как например, горный пейзаж. Другие работы... — мужчина глубоко вздохнул. — Я все еще спрашиваю себя, что произошло. Должно быть, что-то важное, иначе бы его стиль так сильно не изменился, — он подумал о пляжном пейзаже и других произведениях, которые обладали таким же сильным невероятным излучением.

Их взгляды встретились.

Глава 6

Лавидия как будто утонула в синих глазах Эверетта. С незапамятных времен его глаза имели на нее такое воздействие. У девушки слегка закружилась голова. «Я всегда знала», — подумала она, — «что он заметит различия». Хорошо только, что мужчина не понимал, что за этим скрывалось!

— Вы хотите знать, что произошло? Ничего особенного. Люди меняются, — Лавидия немного стыдливо протянула руку к кисти, потому что не лгала, а только умалчивала о самом главном.

Он подал ей кисть. Она торопливо отвернулась, чтобы, по всей видимости, продолжить ее очищать. На самом же деле, прежде всего, девушка хотела скрыть от маркиза свои слёзы.

Она услышала, как мужчина тихо чертыхнулся. А затем почувствовала, как он обнял ее и притянул к себе. Какое утешение дарило его сильное тело! Лавидия задрожала, когда Эверетт забрал кисть из ее руки и размахисто отшвырнул.

«Должно быть, я лишилась рассудка!»

Девушка испугалась. То, что она так мощно ощущала энергию от понимания Эверетта, которая, будто обещала ей защищенность, и казалась такой правильной, могла быть ошибочной. Он и она принадлежали к разным мирам. Поэтому Лавидии предстояло снова потерять его. Шесть лет назад она этого не понимала. Но теперь девушка знала, чего

ожидать. Поэтому она должна была освободиться из его объятий, пока не стало слишком поздно.

Но Лавидия этого не сделала.

Нет, она даже не сопротивлялась, когда мужчина привлек ее поближе к себе. Эверетт прижался щекой к волосам девушки, и его дыхание возле ее уха, показалось, словно легкий ветерок, пока мужское тело излучало приятное тепло. Сердце Лавидии забилося в неистовом ритме, а внутри нее разгорелся пожар.

«О, Боже», — подумала она. — «Тогда все начиналось точно так же». Он решил утешить ее, а юная мисс Тракерн, потеряв голову, неуклюже поцеловала его в подбородок.

Напрасно Лавидия старалась отогнать воспоминаия. Годами девушка пыталась забыть о том, как шокировано выглядел Эверетт в тот первый момент. Но затем, мужчина обнял ее покрепче, его глаза потемнели от желания, и он показал ей, насколько невероятным мог быть их поцелуй.

Эверетт не думал о прошлом. Настоящее было важнее. Он не хотел отпускать Лавидию. Одной рукой мужчина обнял ее за талию, а другой нежно погладил по лицу и шее. Дыхание девушки участилось, она слегка дрожала от наслаждения, и там, где сконцентрировались наиболее захватывающие и великолепные ощущения, создалось самое чудесное напряжение.

Была причина... да, где-то имелась причина, чтобы освободиться из этих приятных объятий. Но Лавидия не могла ее вспомнить. Уже целую вечность она не чувствовала себя такой живой. Желание захватило девичье тело, и она прижалась ближе к Эверетту.

Маркиз начал покусывать ее ушко и ласкать грудь. Красавица застонала, когда в ней разгорелось пламя желания. Она откинула голову назад, ее колени подкосились, и покалывание заполнило все тело. Эверетт продолжал гладить ее и целовать. Он прижался к ее спине, чтобы девушка смогла отчетливо ощутить, насколько он был возбужден. Невольно она начала двигать бедрами, чувственно и соблазнительно.

Неожиданно мужчина отстранился и отступил на шаг назад.

Она хотела запротестовать, потому что почувствовала себя невероятно одинокой. Но с ее уст не слетело ни звука. Наконец, она повернулась, собрала все свое мужество, и посмотрела на него. Его глаза отражали тоску и муку, которые соответствовали ее и были так же велики.

— Эверетт, — прошептала девушка и протянула к нему руку.

Он пристально посмотрел на ее пальцы, но за руку ее не взял.

В это мгновение Лавидия поняла, что он увидел: испачканный краской рукав и покрасневшую от работы грубую руку. Символы пропасти, которые разделяли их друг с другом. На одной стороне стоял он — богатый аристократ, на другой она — дочь школьного мастера и сестра художника.

— Так как ты все еще чистишь его кисти, я предполагаю, что Лионель сегодня был здесь, — сказал Эверетт.

Она убрала руку обратно. Пропать оказалась непреодолимой.

— Если кисти не чистить, они становятся непригодными, милорд.

Мужчина нахмурился.

— Он принес тебе использованные кисти, а затем снова ушел? Почему? Он хотел избежать встречи со мной?

— Он... У него были другие дела, — от лжи кровь прилила к ее щекам. Она до сих пор

кое о чем умалчивала, но все-таки, в общем и целом, ей удавалось придерживаться правды. На этот раз у нее не было выбора. Она должна была лгать.

— Раньше он заваривал чай для вас обоих, пока ты заботишься о его кистях. Он говорил с тобой о своей работе, последних событиях и планах на следующий день.

Она отвернулась, чтобы он не увидел ее мучения и скорбь. Как часто Эверетт составлял им компанию, если Лионель проводил вечер с ней дома? Иногда он даже помогал ей чистить кисти. Для него, сына виконта, такая работа была совершенно новой и необычной.

— Лавидия?

Его голос звучал мягко. Но как раз от этого мягкого тона ей было больно.

— Остались ли у меня хорошие отношения или дружба с Лионелем разрушена?

— Нет! — она обернулась. — Конечно, он был рассержен. Озабочен и взволнован. Но что вы... — девушка остановилась, потому что не хотела быть несправедливой. Эверетт не единственный, кто был виновен в том, что произошло. Она точно знала, что делала. Словом, или жестом, Лавидия могла бы образумить его. Она молчала, потому что не хотела, чтобы он покидал ее. Девушка так сильно хотела, чтобы Эверетт сделал с ней эти чудесные вещи.

Она все еще желала этого. Лавидия желала этого сейчас даже больше, чем тогда. За шесть лет она вся извелась от тоски по нему.

— То, что мы сделали, — снова начала она, — не привело к разногласиям между Лионелем и мной, — она глубоко вздохнула. — Для нас... простого народа, это не имеет такого же значения как для дворянства. В конце концов, я не обесчестила старинное имя, а также не...

— Проклятие, Лавидия, — перебил ее маркиз, — ты не должна так говорить! Словно твоя невинность ничего не стоила. У Лионеля было право гневаться на меня, ведь он — твой брат. И даже если бы у тебя не было никого, кто встал бы на твою защиту, я не должен был соблазнять тебя, — он взволнованно подошел к Лавидии и обнял ее за плечи. — Для меня было бы невыносимо узнать, что Лионель сердится на тебя из-за моих ошибок.

Она положила руку ему на грудь и ответила:

— Он на меня не сердится.

— Хорошо, — Эверетт кивнул и отпустил ее. — Я думаю, мне нужно его подождать.

Лавидия с ужасом смотрела на то, как мужчина подошел к стулу и сел на него. Во рту пересохло и ей пришлось сглотнуть, прежде чем она вообще смогла заговорить.

— Вы хотите подождать?

— Ты должна понять, что я не могу оставить тебя здесь одну. Уже темно и это опасный район. Я останусь до тех пор, пока не появится Лионель. Если он не захочет со мной разговаривать, я немедленно уйду.

Девушка начала задыхаться.

— Вы не можете остаться!

— Вздор!

Ее охватила паника. Она боролась с собой, пока осматривала комнату. Должна же быть возможность избавиться от него!

— Вы должны поужинать, — выпалила она. — Я ничего не могу предложить вам. На самом деле у меня еще ничего нет.

Маркиз недоверчиво покосился на девушку.

— Ты хочешь еще раз покинуть квартиру, чтобы купить продукты? — поднялся он.

— Вы уходите? — она постаралась не позволить ему увидеть свое облегчение.

— Не совсем, — маркиз подошел к ней, — я собираюсь пойти с тобой. Мы можем поужинать вместе.

— Что... Нет!

— И все же. Если после нашего возвращения Лионеля все еще не будет дома, я останусь до тех пор, пока он не появится.

«Вы уже приняли приглашение на сегодняшний вечер», — подумала Лавидия, глядя на его элегантную одежду.

— Вас где-то ждут?

Эверетт пожал плечами.

— Я хотел принять участие в суаре. Но когда я там появлюсь не имеет значения.

В ней поднималась паника. «О, Боже, он просто должен уйти! Что она сделала неправильно? Чем рассердила Эверетта?» Но, нет, он сердился не на нее, а на ее брата, потому что думал, что тот оставил сестру одну.

— Хорошо, — сдалась девушка. — Я оставлю Лионелю сообщение, чтобы он не волновался.

Эверетт проглотил слова, готовые сорваться у него с языка. Если бы Лионель волновался о Лавидии, то давно бы объявился дома. Кроме того, он никогда не снял бы квартиру в этом районе. Он имел бы... Он должен был сильнее стараться продавать свои картины, чтобы в их распоряжении было больше денег. А не думать о том, чтобы претендовать на заказ нарисовать фрески!

Он наблюдал за тем, как Лавидия достала из ящика листок бумаги и написала несколько слов. Было хорошо то, что она еще не ела. Иначе ему бы пришлось ждать Лионеля вместе с ней в этой комнате, вместо того, чтобы прогуляться. Он остался бы с девушкой наедине, а это было опасно. Ему бы пришлось концентрироваться на ее грациозных движениях, и пытаться избавиться от овладевающих его желаний. Шесть долгих лет не хватило на то, чтобы вылечить его от страсти к Лавидии Тракерн!

Глава 7

Она бросила на него короткий взгляд. Немного испуганный, но несколько не отталкивающий. Поскольку именно он лишил ее невинности, она, определенно должна была его возненавидеть. Вместо этого девушка чувствовала себя так, будто все еще была увлечена им.

— Вот! — она сложила лист с сообщением и прислонила его к подсвечнику. — Здесь его нельзя не заметить.

Казалось, Лавидия слегка расслабилась. Но у Эверетта все еще оставались подозрения, что между ней и ее братом не все было в порядке.

— Теперь мы можем идти? — спросил маркиз.

Она прикусила нижнюю губу.

— У меня есть время переодеться?

— Конечно, — время, которое было нужно ей для переодевания, наверное, будет достаточным для того, чтобы довести его до безумия. Когда Лавидия исчезла за ширмой, которая закрывала доступ в другую комнату, ему пришлось сдерживать себя, чтобы не последовать за ней.

Напрасно он пытался закрыть свои уши от шумов, которые проникали из соседнего

помещения. Шелест ткани сказал о том, что женщина разделась. Потом послышалось журчание воды, когда она начала умываться. Его фантазия разыгрывала перед ним соблазнительные картины: Лавидия, на которой одета только нижняя рубашка; голая Лавидия, которая опустила в воду губку, чтобы умыться; Лавидия, соски которой напряглись, пока она обтиралась холодной водой.

О, Боже, он не забыл, насколько прекрасным и женственным было ее тело, какой бархатной и мягкой ощущалась кожа, и как его всегда возбуждал аромат яблок и корицы...

Неожиданно мужчину захватило воспоминание об их интимной встрече. Прошло шесть лет, но Эверетт так и не забыл ни одной малейшей детали. Лавидия стыдливо опустила голову, когда оказалась перед ним в корсаже и рубашке. Ее светлая кожа розовато мерцала, пока мужчина ласкал девушку. А потом она лежала обнаженной в его объятиях и прижималась к нему переполненная страстью. Лавидия отдала себя ему, только ему, ему одному.

Должно быть, было безумным, принять ее дар. Он по-прежнему глубоко сожалел о том, что взял ее невинность. Тогда мужчина пытался успокоить себя тем, что поклялся остановиться, если она его попросит об этом. Девушка не попросила. И разумеется, он не смог удержать себя в руках. Эверетт вел себя эгоистично и безответственно. Ему даже показалось, будто он услышал ее наполовину приглушенный вскрик, когда проникал в нее.

Картина упала с громким стуком. Должно быть, маркиз опрокинул ее ногой. При этом, он даже не заметил, что шел в направлении ширмы. Неожиданно Эверетт остановился, ужаснувшись собственному поведению.

— Что случилось? — спросила Лавидия с другой стороны ширмы.

Кровь зашумела в ушах мужчины.

— Ничего плохого. Картина упала. Я сейчас подниму ее.

Как же сильно Эверетт жаждал овладеть Лавидией... но он не станет соблазнять ее еще раз. Глубоко дыша, маркиз попытался успокоить дикое биение своего сердца. Только при помощи силы воли ему удалось, наконец, подавить дрожь в руках. Он повернулся спиной к ширме и пошел назад к столу. Его взгляд упал на записку, которую Лавидия прислонила к подсвечнику. Не испытывая ни малейшего стыда, он развернул лист и прочитал:

«Пришел Эверетт, купил картины. Мы собираемся вместе поужинать. Я скорс вернусь. Л».

Короткое сообщение, которое, однако, говорило о сути. Только вот по стилю оно разительно отличалось от всего, что Лавидия писала раньше брату. Она так тепло к нему относилась. И Лионель отвечал на ее глубокую привязанность. Заботясь о счастье Лавидии, когда-то он гневно выпытывал у друга, намерен ли тот на ней жениться.

Эверетт вздохнул, когда вспомнил о том, каким беспомощным он тогда себя чувствовал. Насколько идея вступить в брак до сих пор шокировала его. Он представил себе, как его семья отреагировала бы на такой брак. И выражение его лица, изобличило Эверетта. Лионель сбил его с ног с одного удара.

Маркиз решительно схватил со стола карандаш и написал Лионелю короткое сообщение внизу листа, а затем вернулся к входной двери.

Там он и ожидал Лавидию, когда она, наконец, появилась из-за ширмы. При взгляде на нее у него перехватило дыхание. И дело было вовсе не в одежде. Платье было серым, очень хорошо на ней сидело и было застегнуто до самой шеи. Но ее волосы... Она распустила строгий узел и заколола золотисто-рыжие локоны. Лицо девушки обрамляли отдельные

пряди. И он сразу ощутил прежнее желание зарыться руками в это золотое изобилие, вытащить шпильки и посмотреть, как свободные локоны будут падать ей на плечи.

Маркиз не забыл, как его возбуждал вид ее рассыпавшихся волос на белой подушке. Он был...

Нет, теперь мужчина не мог об этом думать. Он должен был взять себя в руки. В конце концов, Эверетт только что дал письменное обещание. И заверил Лионеля, что будет вести себя как джентльмен по отношению к Лавидии.

— Тебе стоит надеть пальто, — сказал он, когда ухватился за дверную ручку.

— В этом нет необходимости, — пожала плечами Лавидия. — Я не чувствительна к прохладе.

— Будь благоразумна. На улице холодно. Принеси свое пальто!

— У меня его нет, — призналась девушка.

Она растерянно разглядывала мужчину, пока краска стыда заливала ее лицо.

— У тебя нет пальто? Почему?

Лавидия поджала губы.

— Если вы непременно хотите это знать, то я продала его.

Его живот болезненно сжался. «Настолько плохим было финансовое положение семейства Тракерн?» Маркиз хотел кое-что добавить, но сдержался. Плохие времена миновали. В конце концов, он купил несколько картин и уже внес сумму за остальные полотна в банк. Отныне дела у Лионеля и Лавидии пойдут лучше.

— Возьми мое пальто, — предложил он девушке. И прежде чем она успела отказаться, мужчина подошел к ней, наклонился и накинул свое пальто ей на плечи. Это была ошибка, о которой маркиз тут же пожалел. Потому что аромат ее волос ударил ему в нос. Яблоки и корица! Так сладко, так обворожительно, так соблазнительно.

Эверетт быстро отвернулся от Лавидии. Но заметил, что ее дыхание тоже внезапно участилось.

— Ну, пойдём, — сказал он, умышленно придерживаясь незаинтересованного тона. — Должно быть, ты голодна. Во всяком случае, я точно, — но его голод был меньше всего сосредоточен на чем-то съедобном. Все это время он думал о чудесном женственном теле Лавидии. И когда она шагнула мимо него, мужчина придержал для нее дверь, и постарался не дышать, чтобы ее аромат снова не пробудил в нем неисполнимые желания.

Через минуту они стояли рядом друг с другом во дворе.

— О, — вскрикнула Лавидия, и быстро перевела взгляд на маркиза, — боюсь, я оставила свечу в дальней комнате. Пожалуйста, подождите меня, я скоро вернусь, — она снова взбежала по ступенькам.

Он нетерпеливо ожидал ее возвращения. Когда Лавидия снова появилась в двери, мужчина спросил:

— Ну?

Она безучастно посмотрела на него вниз.

— Ну, что?

— Ты забыла потушить свечу?

В сумерках он не смог увидеть, действительно ли она покраснела. Но мужчина мог поспорить, что вопрос оказался ей неприятен.

— Нет, — Лавидия вернулась, но теперь ее голос звучал слегка сдержанно. — Но мы ведь вернемся не слишком поздно?

— Нет, конечно же, нет, — пообещал он, желая всем сердцем, чтобы все было по-другому. Если бы только она осталась с ним пока не наступила полночь или даже еще позднее, скандально позднее. Если бы он все-таки мог забрать ее домой и в свою постель! Если бы он только мог снова и снова это с ней делать!

На несколько коротких часов Лавидия постаралась позабыть о своих проблемах. До тех пор, пока она могла быть с Эвереттом, она не хотела думать о чем-то плохом. Ее больше не волновала пропасть, которая их разделяла, и девушка отодвигала все плохие воспоминания, как можно дальше.

Теперь к ней вернулись другие воспоминания, которые она долго от тебя отгоняла. Лавидия снова могла испытать маленькие, давно забытые радости. Какой прекрасной оказалась идея купить у личного торговца горячие, жареные на углях каштаны, которые можно было есть руками!

Ее сердце дрогнуло, когда она заметила, что Эверетт тоже о чем-то вспомнил, что происходило так бесконечно давно. Например, он все еще помнил о ее пристрастии к копченому угрю. Рядом с Вестминстер-сквер мужчина купил ей кусок, от которого она неоднократно откусывала. И когда Лавидия растерянно посмотрела на свои жирные пальцы, маркиз протянул ей носовой платок, как делал это шесть лет назад. Она покачала головой, но Эверетт лишь рассмеялся и она, наконец, сделала то, что он хотел.

Она чувствовала себя так, будто плыла по улицам, укутанная в пальто Эверетта и в аромат его одеколona. Суровая реальность ушла так далеко, что девушка не могла до нее дотянуться, потому что была заключена в радости как в мыльном пузыре. К сожалению, Лавидия слишком хорошо знала, что мыльные пузыри когда-нибудь лопаются. Но она не хотела думать о том, что вечер закончится. Даже когда маркиз повел ее обратно, девушка отказывалась представлять себе предстоящее прощание. Она решила только одно. *«Я не буду цепляться за него».*

Глава 8

Лавидия была удивительно расслабляющей спутницей, как с радостью отметил Эверетт. Он действительно наслаждался этим редкостным вечером. Суаре, которое он хотел посетить, было забыто. Обед, на который тетя Каролина ожидала его, проходил без него. Это его не огорчало. То, что он должен был познакомиться там с прекрасной, благовоспитанной и с хорошим приданым мисс Ангастон, было ему в данный момент совершенно безразлично.

Конечно, при следующей встрече, тетя Каролина будет читать ему нотации. Но тогда он просто вспомнит, как ел с Лавидией копченого угря на пустынной улице. Воспоминание об этом вознаградит его так же, как и знание о том, что пусть и всего несколько часов, мужчина чувствовал себя счастливым. Эверетт по одному, отправлял в рот Лавидии зажаренные каштаны, радовался ее улыбке и старался обуздать желание, которое воспламенялось в нем каждый раз, когда ее губы касались его пальцев.

Сначала никто из них двоих не обращал внимание на время. Девять часов... десять... На самом деле, сейчас Эверетт должен был быть на пути к Хардресс, приглашение которого он принял. Тетя Каролина, которая хотела тоже принять участие в празднике, уже наверняка кипела от ярости из-за его отсутствия. Естественно, она что-нибудь придумает, чтобы извиниться перед хозяевами. Но с каждой ложью, которую она будет выдумывать ради этого, ее гнев будет расти. Маркизу стоило подготовиться к очень бурной проповеди. Почему он не

отвел Лавидию домой и не исполнил часть своих светских обязанностей?

«Потому что», — говорил он себе, — «вероятно, Лионеля еще нет дома, и мне придется остаться в той квартире наедине с Лавидией».

Даже в общественных местах, на улицах, где каждый мог их увидеть, мужчина ощущал ее близость слишком отчетливо. Он видел, как вспыхивали глаза девушки, вдыхал очаровательный аромат ее волос, чувствовал возбуждение, когда она со смехом смотрела на него вверх. Было достаточно трудно держать себя в руках даже тогда, когда маркиз чувствовал на себе взгляды окружающих. Если он останется с Лавидией один на один, то, возможно, проиграет борьбу против себя самого.

Все-таки было ошибкой бродить с ней по улицам. Она была одной из многих женщин, сопровождаемых этим вечером мужчинами. И он знал, каким бизнесом занимались большинство из этих женщин. Раньше тоже было время, когда Эверетт смотрел на фавориток других мужчин так же, как сейчас некоторые джентльмены смотрели на Лавидию. Ее блестящие золотисто-рыжие волосы притягивали к себе взгляды. И некоторые смотрели дольше и внимательнее, чем допускали обычные правила приличия.

Эверетт точно знал, что думали те мужчины. Он радовался тому, что Лавидия была закутана в его пальто, которое, по меньшей мере, укрывало ее стройное тело от назойливых взглядов. Если бы еще было что-то, что могло скрыть блеск ее глаз и сладкое изящество губ! К счастью, хватало слегка наморщенного лба, чтобы поставить поклонников Лавидии на место.

До тех пор, пока они не встретили Хюнтеркомба.

— Приветствую, Сент-Аустель!

Маркиз просто прошел бы мимо, но Лавидия остановилась, когда услышала, как кто-то его поприветствовал.

— Прекрасный вечер, не так ли? — Хюнтеркомб бесцеремонно разглядывал спутницу Эверетта.

Мужчина ощутил, как в нем начал подниматься гнев. Он давно чувствовал антипатию к таким мужчинам как Хюнтеркомб, с их эгоистичным, недобросовестным поведением, они наносили урон репутации всех настоящих джентльменов.

— Хюнтеркомб, привет! Пожалуйста, извини нас. Мы должны идти.

— Конечно, — казалось, что он хотел раздеть Лавидию глазами.

Она вздрогнула и тесно прижалась к Эверетту.

— Ваш покорный слуга, моя дорогая, — пробормотал Хюнтеркомб.

Она промолчала, но, тем не менее, это его не остановило. С улыбкой он еще раз обратился к Эверетту:

— Лакомый кусочек, если я могу так выразиться. Если вы собираетесь немного не доесть, дайте мне знать. Я буду...

Целенаправленным ударом Эверетт отправил его в сточную канаву. Из носа Хюнтеркомба пошла кровь. Но маркиз все еще не был удовлетворен. Со сжатыми кулаками он остановился, склонившись над мужчиной, и в сознание Лавидии проник звук собственного голоса:

— Пожалуйста, Эверетт, этого достаточно. Оставьте его. Пойдемте дальше.

Хюнтеркомб с трудом сел, простонал и начал вытирать с лица кровь. Один из его знакомых подбежал к нему и помог подняться.

— Что ради всего святого это означает Сент-Аустель? Вы сошли с ума? Почему...

— Проси прощения, — выдавил Эверетт сквозь стиснутые зубы.

— Что? — взревел Хюнтеркомб и от негодования его глаза почти вылезли из орбит. — Я должен просить у проститутки... Хорошо, успокойтесь, — он отошел на несколько шагов назад, споткнулся и с трудом смог сохранять равновесие. — Простите меня, мадам. Я совершил ошибку, — после того, как он бросил на Эверетта еще один не понимающий взгляд, то прижал носовой платок к все еще кровоточащему носу и поспешил со своим знакомым подальше убраться от этого места.

— Эверетт, — Лавидия положила свою руку на его предплечье. — Вам не нужно было этого делать. Мы можем теперь пойти, пожалуйста?

Маркиз посмотрел на девушку. Ее золотисто-карие глаза были широко распахнуты и смотрели загнанно и испуганно. Ему стало стыдно от того, что он был виноват в том, что она чувствовала себя такой плохой. Воистину, Эверетту не стоило приводить ее сюда. О чем он только думал? Из-за оплошности, она подверглась оскорблениям от его знакомых. Он должен был понимать, что большинство мужчин сочтут прекрасную женщину, идущую под руку с аристократом, лакомым кусочком, от которого они также с удовольствием бы откусили. Маркиз был эгоистичным, надменным и презренным человеком. Но не вел ли он себя раньше так же, как они?

Его рука дрожала, когда он подошел ближе к Лавидии и положил в защищающем жесте руку ей на плечо.

— Мне жаль, — тихо сказал он. — Пойдем. Я провожу тебя домой.

Маркиз предложил сесть в карету. Но Лавидия покачала головой и так они решили, что пойдут пешком. Втайне он даже испытал облегчение от того, что сможет еще немного насладиться ее обществом. Кроме того, Эверетт знал, насколько тяжело сопротивляться искушению в закрытой карете.

Пока они шли прижавшись друг к другу сквозь ночь, Лавидия чувствовала в нем своего защитника, хотя он и питал по отношению к ней те же самые желания, что и презренный Хюнтеркомб. Нет, еще хуже. В то время, когда маркиз должен был ухаживать за мисс Ангастон, он непрерывно думал о том, как увести Лавидию к себе домой и соблазнить ее.

Что он будет делать, если Лионель все еще не вернулся в квартиру? От чего Лавидия будет в большей опасности: если мужчина оставит ее в одиночестве или если сам останется у нее?

Хорошее настроение и радость, которые были характерны до сих пор для их совместного вечера, больше не ощущались. Не осталось ничего кроме горького привкуса. Когда еще появился туман, Эверетт покрылся холодным потом. Он крепче притянул Лавидию к себе, потому что боялся, что она может исчезнуть так же, как ощущение счастья, которое наполняло его еще недавно.

— Что случилось? — спросила девушка.

Они почти достигли своей цели и вступили в проход ко двору.

— Ничего. Не волнуйся, — пробормотал он, хотя чувствовал себя исключительно плохо.

Сейчас было настолько темно, что едва можно было что-то разглядеть. И тем более он четко ощущал близость Лавидии, и тепла ее гибкого женского тела. Она положила голову ему на плечо. С каждым вздохом мужчина вдыхал аромат ее волос. Пульс неистовствовал, кровь шумела у него в ушах, а возбуждение ощущалось настолько сильным, что было больно при каждом шаге.

Лавидия остановилась, повернулась к нему и откинула голову назад.

«Она заслуживает лучшего, чем я», — подумал Эверетт, — «один раз я уже сделал ей больно и поклялся больше никогда этого не делать».

— Мы не должны оставаться стоять здесь, — произнес мужчина. Его голос прозвучал хрипло. Он боялся не только того, что снова потеряет самообладание. Маркиз также боялся того, что темнота могла бы поглотить Лавидию и скрыть ее навсегда.

«Возможно, ей даже было бы безопаснее...»

Она положила руки ему на грудь. А затем он также поднял руку вопреки своей воле и прижал ее правую ладошку к своему сердцу.

Лавидия приподнялась на носочки. Ее рот был очень близко к нему. Так близко, что он почувствовал ее дыхание на своих губах. Мужчина долго собирал силу воли, чтобы воспротивиться ей. Маркиз застонал от отчаяния. После чего признал поражение и наклонился вперед. Очень легко ее губы коснулись его. Какой теплый и сладкий они имели вкус!

Сначала Лавидия все еще стеснялась. Но затем стала смелее. Сильное желание охватило Эверетта и ему пришлось снова собрать всю свою силу воли, чтобы не потерять самообладание. Он нежно покрывал ее лицо мелкими, очень легкими поцелуями. Но когда она раскрыла губы и пригласила мужчину исследовать внутреннюю часть ее рта, он не выдержал.

Он дал ей то, по чему она так тосковала. Девушка задрожала от наслаждения, когда их языки встретились. Эверетт прижал Лавидию еще ближе, вдавливая свое твердое возбуждение в ее мягкое тело. О, Боже, какой сладкой, какой соблазнительной, какой восхитительной она была! Девушка слегка потерлась об него. Маркиз громко застонал.

«Я должен быть благоразумным! Я дал обещание!»

Задышавшись, мужчина прервал поцелуй, и слегка отстранился от Лавидии, хотя ему этот маленький шаг дал ощущение того, что он отдалился от чего-то такого, что всецело принадлежало ему.

— Я провожу... — его голос прозвучал хрипло. Он откашлялся и попробовал еще раз. — Я провожу тебя до двери.

«Боже, помоги мне, если Лионель еще не вернулся!»

«Сможет ли он обрести силу еще раз, чтобы отстраниться от нее, если она поцелует его вновь?»

Дрожащими пальцами она нежно провела по его губам.

Он резко отвернулся.

Девушка тут же убрала руку.

— Достаточно! Я поклялся себе, что этого не произойдет снова, — мужчина глубоко вздохнул, и попытался придать своему голосу более мягкий тон, чтобы не обижать Лавидию еще сильнее. — Завтра я покину Лондон. Когда я вернусь, то буду обручен.

Она застыла.

— На самом деле, будет лучше, если мы больше не увидимся, — продолжил маркиз. — Передай, пожалуйста, Лионелю, что мне жаль, что я его не встретил. Сообщите моему дворецкому, когда картины будут готовы.

Он вышел из прохода не в силах еще раз взглянуть на Лавидию. Он смотрел на ступени, которые вели в ее квартиру, пока быстро пересекал двор. При этом мужчина отчетливо осознавал тот факт, что Лавидия шла прямо позади него и что ей стоило немалых усилий не отставать от него. Она догнала его прямо перед лестницей, протиснулась мимо и открыла

дверь.

Должно быть, в комнате горела лампа, потому что светлый луч света падал на теплую лестницу. Противоречивые чувства заполнили Эверетта. С одной стороны, он был рад тому, что очевидно, Лионель возвратился домой. Поношенное старое пальто лежало небрежно брошенным на стуле. Листок с сообщением, которое Лавидия написала своему брату, исчез.

«Хорошо! Это означало, что Лавидия находилась в безопасности». Почему тогда он все же был так разочарован?

— Подождите, пожалуйста, — попросила она. — Вы забыли свое пальто, — дрожащими пальцами девушка завозилась с застежками.

Эверетт удивленно заметил, что она всем телом дрожала. Странная боль пронзила его тело. Пытаясь успокоить Лавидию, он потянулся вперед и взял ее руки в свои.

— Просто оставь пальто.

— Я должна оставить его? — девушка покачала головой. — Я не могу. Оно слишком дорогое.

— Неважно, сколько оно стоит. Для меня его стоимость заключается в том, что оно может сохранить твое здоровье.

— Но...

— Оставь его. Ради меня. Пожалуйста! — маркиз постарался отвернуться и обрадовался, что силы не покинули его, и он смог это сделать. — Спокойной ночи.

Лавидия замерзла, не смотря на теплое пальто, которое все еще не сняла. Это был внутренний холод. Она чувствовала себя покинутой. Эверетт исчез. Остался только аромат его туалетной воды, который впитался в одежду и который она вдыхала при каждом вздохе.

Девушка еще долго оставалась неподвижной. К ней медленно возвращалось тепло. Да, на самом деле у нее было чувство, что это пальто, которое ей даже не подходило, обеспечивало ей какую-то защиту.

Боже, какой вздор! Даже в руках Эверетта ей не было безопасно. Это стало ясно, когда они встретили наглого Хюнтеркомба, который смотрел на нее так, будто она лакомство, которое он непременно должен заполучить. Похоже, когда Эверетт сказал, что скоро женится, она напомнила себе еще раз, что для нее не было места в его жизни, разве только что она стала бы довольствоваться ролью фаворитки.

Должна ли она была осуждать его за это? «Нет», — призналась она сама себе. В конце концов, Лавидия слишком хорошо знала, как выглядела реальность.

Эверетт был виконтом. Он будет выбирать себе подходящую супругу, родственников и наследников, чтобы приумножить свое богатство. Было бы некорректно упрекать маркиза за то, что он не мог предложить ей того, чего она в действительности желала. Да, Эверетт был умным и предупредительным мужчиной.

Она жила в одном мире, а он в другом. И даже если бы Сент-Аустелль смог бы переступить границу между мирами, чтобы прийти к ней, то она никогда не смогла бы последовать за ним в его мир. Если бы девушка попросила, то мужчина провел бы с ней ночь, и он скорее всего даже остался до утра. Но это означало бы, что ей придется рассказать ему правду. Всю правду. И тогда бы он понял, как невероятно был обманут.

Слезы заполнили глаза Лавидии. Девушка смахнула их. Решительно она подняла пальто Лионеля. И затем схватила листок с письмом, который находился под ним. До сих пор у нее не было времени, чтобы прочитать слова, добавленные Эвереттом к ее.

«Лионель, ты не должен волноваться. Я клянусь, что со мной она будет в

безопасности. Эверетт».

Она больше не могла сдерживать рыдания. Лавидия раздраженно провела тыльной стороной руки по влажным щекам. Слезы еще никогда не помогали. Она должна была быть благоразумной. Ей стоило не забывать о том, насколько хорошо было то, что Эверетт купил так много картин. Теперь девушка могла найти себе квартиру получше, могла купить дрова, продукты, а также то, что было необходимо для занятий живописью. В ближайшее время, ей больше не придется бояться того, что она окажется на улице.

Лавидия повесила на крючок за дверью старое пальто Лионеля и провела рукой по плотной ткани элегантного пальто Эверетта. *«Его я тоже должна повесить, вместо того, чтобы разгуливать в нем по квартире».*

Полтора часа спустя она залезла на свою узкую кровать и тщательно разгладила пальто Эверетта поверх одеяла. Теперь аромат его одеколona продолжал окутывать ее. Если она закроет глаза, то сможет представить себе, что он рядом. Возможно, он ей даже приснится. В своих снах, она точно будет знать... будет уверена в том, что они подходят друг другу и ничто, и никогда не сможет их разлучить.

Глава 9

Он учащенно дышал, пока она покрывала его тело поцелуями. Красавица начала с шеи, а затем заскользила губами по груди мужчины и спустилась ниже, чтобы одарить ласками его живот. После чего она опустилась перед ним на колени. Он ошеломленно уставился на ее опущенную голову с золотисто-рыжими локонами. Что она планировала? О, он это предвидел. Но все же она не должна была этого делать! Он хотел сказать ей, но ни одно слово не вылетело из его уст. Голосовые связки мужчины были такими же беспомощными от ее искусства обольщения, как и остальное тело.

Сначала это было только ее дыхание, которое ласкало его. Нежное мучение, и в то же время обещание того, что она откроет ему врата в рай.

О, Боже...

Он был не в состоянии двигаться. Он должен был подчиниться своим ощущениям. Она слегка коснулась щекой его эрекции. Страсть переполнила мужчину, от вспыхнувшего желания. Затем ее теплое дыхание снова оказалось... Ох... А потом она взяла его в рот. Какое удовольствие! Он откинул голову назад и застонал. Затрепетав от наслаждения, он запустил руку в ее волосы и начал перебирать золотистые пряди.

Он знал, что если сейчас назовет ее имя, она станет его навсегда. Он знал ее имя, оно заполняло его сердце и вертелось на кончике языка. Почему только мужчина не мог его произнести? Он открыл рот и еще раз повторил попытку. Но потом снова появился этот проклятый туман, который поглотил все.

Эверетт отчаянно закричал. Нет, он не закричал, потому что все еще был не способен произнести ни звука. Он протянул руки, чтобы удержать любимую женщину. Напрасно. Ее образ растворился между пальцами. Еще одно долгое мгновение мужчина отчетливо помнил ее красоту. Но это воспоминание также не приобрело очертания. Все, что осталось — только неизмеримая боль и желание, которое никогда не найдет удовлетворения.

Покрытый потом, Эверетт сел в кровати и прислушался к быстрым ударом своего сердца. Он постарался вызвать в памяти подробности своего сна. Все-таки, это был сон? Почему, к дьяволу, он был так возбужден? Эротическая фантазия? Ему все казалось таким *настоящим*. Если бы он только мог сейчас вспомнить, отчего возникло такое невероятно

желание, им бы все еще владело возбуждение.

Он закрыл глаза. И неожиданно из ниоткуда появилось ее лицо. Нежное, чудесное лицо, обрамленное золотисто-рыжими локонами. Этого было достаточно, чтобы он еще сильнее возбудился. «*Нет, проклятье, еще раз нет!*» Он поклялся не соблазнять ее больше никогда. Кроме того, он даже не был уверен, что ему снилась именно Лавидия.

Эверетт вынужден был признать, что вся проблема была в его воздержании. Ведь последнее его интимное свидание с женщиной было несколько месяцев назад. Не удивительно, что его посещали эротические сны.

Найти фаворитку было не так уж и сложно. Была только одна проблема. Он не хотел ни одну из находящихся в его распоряжении женщин. Он хотел другую, которую, как говорила ему совесть, он не мог иметь.

Дико ругаясь, он поднялся. О сне можно было больше не думать.

Рассвет забрезжил как раз в тот момент, когда маркиз покинул Лондон.

Мужчина когда-то уже принимал участие в менее приятной домашней вечеринке. Большинство гостей ему были давно знакомы. И даже если Эверетту не нравились явные усилия его тетки свести его с мисс Фиби Ангастон, то он все же должен был согласиться с тем, что молодая дама оказалась чрезвычайно мила.

Мисс Ангастон считалась красавицей и кроме того, была богатой наследницей. Сначала она вела себя по отношению к нему довольно сдержанно, мол, потому что маркиз не явился в Лондоне на обед его тети, где он должен был быть ей представлен. Но вскоре женщина все же простила его. И вела себя по отношению к нему мило и ласково. То, что понравилось ему еще больше, был тот факт, что она была не глупой неопытной дебютанткой, а образованной умной молодой дамой. Превосходная невеста.

К сожалению, Эверетт не мог изобразить свой неподдельный интерес к тому, что сильно беспокоился о ней в течении нескольких следующих дней. Она была ему приятна. Обворожительная женщина, с которой он, конечно, смог бы заключить обычный брак. Но мужчина просто не мог заставить себя сделать ей предложение. Он точно знал, что она его примет. Пару раз он даже пытался оправдать ее чаяния. В конце концов, маркиз так и не смог произнести решающих слов. Потому что перед его глазами всегда появлялись картины, которые будут украшать стены его спальни в Лондоне, когда он вернется.

Он так и продолжал разговаривать с мисс Ангастон на отвлеченные темы, пока она однажды не спросила:

— Кто она?

Маркиз пристально посмотрел на женщину. Они сидели недалеко друг от друга на покрывале, потому что тетя Каролина устроила для своих гостей пикник.

— Что, простите?

— Кто та женщина, которую вы любите?

Неожиданно шейный платок стал ему тесен, и мужчина начал задыхаться, хотя тот вовсе не был туго завязан. Он сглотнул. Обладала ли богатая, умная, очаровательная и достойная любви мисс Ангастон шестым чувством? Наконец, Эверетт смог произнести:

— С чего вы взяли, что мое сердце занято?

Что упустило его сердце?

Она улыбнулась.

— Уже целую неделю вы пытаетесь сделать мне предложение. Но, в конце концов, вы

не можете себя заставить. Полагаю, что вы боитесь моего ответа. А значит, должна быть какая-то причина. И скорее всего, дело в том, что вы любите другую.

— Хм-м... — маркиз не хотел ни возражать, ни соглашаться с ней.

— Я могу дать вам совет?

Эверетт кивнул.

— Если она не замужем и если нет никакой действительно непреодолимой преграды, то вы должны на ней жениться. Я сама была безумно влюблена, когда мне было девятнадцать. Мой отец объяснил мне, что я должна выбрать другого, подходящего супруга, — она взглянула на Эверетта своими серыми печальными глазами. — Так как я была молода и послушна, я сделала то, что он требовал и отказала на предложение моего поклонника. Вскоре он женился на другой женщине, — ее глаза подозрительно блеснули. — Я потеряла его навсегда. Теперь я бы хотела посоветовать вам, чтобы вы не совершали ту же самую ошибку, — своими тонкими пальцами она слегка коснулась руки маркиза. — Сейчас наступил момент, когда вы должны сказать мне, чтобы я позаботилась о своих собственных делах, — она улыбнулась ему печальной улыбкой.

Он покачал головой.

— Лучше ответьте мне, как бы вы отреагировали, если бы я выбрал вас.

— Вероятно, согласилась бы. Мы бы действительно хорошо поладили друг с другом, вы не находите? Тем не менее, я полагаю, что вы надеетесь получить от жизни больше, чем брак, который не вызовет лишних проблем.

Она пришла к нему, когда он лежал в постели. Было темно, но мужчина четко уловил ее аромат. А затем он почувствовал, как она обвила его своими длинными стройными ногами. Девушка была таинственна, но в то же время доверчива. Она льнула к нему. Их тела так чудесно гармонировали друг с другом, как будто были двумя частями единого целого... Ее поцелуи ощущались сладкими и соблазнительными. Она ничего не говорила и он тоже молчал. Слова здесь были ни к чему. То, что они значили друг для друга передавали только удары сердца и преданность, с которой они друг друга любили. Медленно, нежно, осторожно, предупредительно и одновременно очень страстно, они исследовали тайны своего партнера. Ее дыхание становилось все быстрее и быстрее.

Держать эту девушку в руках было прекрасно, гораздо прекраснее, чем он об этом помнил. Мужчина перебирал своими пальцами ее чудесные волосы, пока другой рукой крепко прижимал красавицу к себе. Он поцеловал ее. И она охотно поцеловала его в ответ. Казалось, будто она почувствовала его желание и наклонилась к нему прежде, чем он сам это понял. Наконец, мужчина нашел пальцами самую интимную точку ее тела, которую погладил и приласкал, отыскивая дорогу в ее влажную, теплую, притягательную женственность. Ах, как великолепно было находиться рядом с такой чувственной женщиной! Теперь он узнал ее. Узнал в библейском смысле этого слова. Она стала его.

И, наконец, он понял, что хотело сказать ему его сердце уже давно.

Когда он погрузился в лоно своей возлюбленной, она приглушенно вскрикнула, так что мужчина заглушил этот звук поцелуем. То, что она отдала ему свою невинность, наполнило его глубокой радостью и благодарностью. Одновременно с этим, желание мужчины, казалось, возросло до предела. Они любили друг друга, сливались друг с другом, они были едины...

Но затем туман вернулся снова и опять оказался между ними, поглощая все так, что

мужчина ничего не мог поделаться.

Эверетт проснулся в тот момент, когда его тело больше не смогло выносить напряжения. В комнате было темно и тихо. Он произнес ее имя, и принялся ощупывать пространство рядом с собой, но кровать оказалась пуста. В этот раз он все-таки вспомнил все, о чем грезил. В его сне была Лавидия, и они любили друг друга.

А затем он вспомнил сцены, которые изображали картины в спальне его дома в Гроновер-сквер. Застонав, мужчина откинулся обратно на подушки и закрыл свое лицо руками. Теперь он понял, что во снах его преследовали образы Лавидии и что той самой нимфой на фресках была она.

Лавидия — женщина, которую он любил больше всех на свете и жаждал...

Эверетт так и не смог больше заснуть, так что накинул утренний халат и отправился вниз в библиотеку.

Он в изумлении остановился, когда увидел, что там горела лампа и услышал знакомый голос:

— Что вы здесь делаете в это время, Эверетт? Тоже не можете заснуть, как и я?

Дэвид Уинслоу — один из гостей, и старый друг Эверетта, сидел в кресле у горящего камина. Рядом с ним на столике стояли бокал и графин, оба наполовину наполненные бренди. Во всяком случае, Эверетт предположил, что золотисто-коричневая жидкость была бренди.

— Вы страдаете бессонницей? — спросил он Дэвида, который только недавно вернулся из Италии. — Почему? — до сих пор у них не было случая поговорить друг с другом спокойно. Домашняя вечеринка просто не предполагала подходящей ситуации для серьезного разговора. Самое большое, она годилась только для того, чтобы завязать нежные узы с противоположным полом и сделать предложение избраннице.

— Мои планы на ночь разрушились, — Дэвид схватил стакан, быстро опустошил его и снова наполнил. — Собственно, я хотел нанести визит в спальню леди Бомонт. Но ее супруг, который неожиданно появился к обеду, как оказалось, решил сделать тоже самое.

— Как он бестактен!

— В самом деле, — рассмеялся Уинслоу. — Как я слышал, вы украшаете свой дом в Лондоне несколькими интересными фресками?

— Хм, — тема была щекотливой, потому что раньше Дэвид тоже крепко дружил с Лионелем.

— И вы отдали заказ Лионелю Тракерн, — Дэвид снова сделал глоток бренди. — Ах, как хорошо, — пробормотал он. — Может наполнить бокал и для вас?

— Нет, спасибо, — у Эверетта было предчувствие, что голова ему потребуется ясной. Он сел в тяжелое кресло у письменного стола и попытался представить себе, как отреагировали бы его родственники, если бы он сообщил им о том, что женится на нищей сестре художника. Ожидаемые упреки и шокированные восклицания теперь были бы ему безразличны. Проблема заключалась в другом. Согласится ли Лионель на этот брак?

Глава 10

— Есть одна проблема, — сказал Дэвид, как будто прочитал мысли Эверетта.

— Простите?

Дэвид наполнил напитком второй бокал и поднялся.

— Я думаю, что вам все-таки нужно что-нибудь выпить, — когда он подошел к маркизу,

золотистая жидкость, казалось, запылала в свете лампы. Он протянул бокал своему другу. — Замечательный бренди.

— Но, я говорил...

Дэвид прервал его:

— Я хотел бы поговорить с вами о Лионеле.

Его тон испугал Эверетта.

— Что с ним? — спросил он. — Вы недавно видели его?

— Очевидно, *вы* его больше не встретите.

Странная формулировка!

— Что же, пока у нас было только письменное общение.

Дэвид задумчиво посмотрел на него.

— Выпейте, мой друг.

— Я не хочу бренди!

— Хорошо, — Дэвид пожал плечами. — Лионель скончался еще полгода назад в Италии. Я помог Лавидии организовать его похороны.

Эверетт схватил бокал, поднес его ко рту и выпил содержимое.

Прежде чем взошло солнце, Эверетт был уже на пути в Лондон. Он поднял заспанного и ничего не соображающего конюха, который так и не понял, почему кто-то встал в это время, чтобы тот седлал лошадь. Кроме того, маркиз написал несколько строк своей тете, которые, однако, не содержали объяснения по поводу его неожиданного отъезда. И письмо для Фиби Ангастон, в котором он от всего сердца благодарил ее за хороший совет.

По его настоянию, Дэвид рассказал ему все, что знал о смерти Лионеля.

— Лавидия сказала, что он был вовлечен в спор. По-видимому, в трактире. Одному из сельских жителей не понравилось то, что Лионель рисовал девушек и избил его. Несколькими днями позже Лионель ослеп. Я еще успел посетить их обоих незадолго до происшествия, которое не пошло ему на пользу. А потом доведенная до отчаяния Лавидия, написала мне письмо, в котором умоляла меня вернуться и помочь ей. Она действительно заботилась о своем брате.

«Любой художник лишился бы разума, если бы больше не смог видеть».

— Когда я прибыл, — мрачно закончил Дэвид, — Лионель был уже мертв.

Далее он сообщил, что позаботился о том, чтобы Лавидия поднялась на корабль, который отправлялся в Англию как компаньонка одной дамы, которая не хотела путешествовать без сопровождения. Она больше не могла оставаться в Италии. Девушка настояла на том, чтобы забрать с собой произведения Лионеля, так же, как и свои собственные.

Ее собственные произведения... Эверетт вспомнил, что он видел различие между картинами. Но, естественно, мужчина не предполагал, что часть картин, стиль которых он знал, были произведениями Лионеля, а другие оказались написаны Лавидией. Она нарисовала картину с пляжем! Теперь мужчина был в этом уверен. Раньше она тоже рисовала, маркиз и об этом знал тоже. Но она никогда никому не показывала картины, кроме своего брата.

На город опустилась ночь, когда Эверетт, наконец-то, ступил в переулок Литл Фриманс ярд. Вскоре он уже стучал в дверь Лавидии.

Ему открыла неопрятная женщина, которую он никогда раньше не видел. На его вопрос,

где мисс Тракери, она ответила:

— Переехала. В другой город. Слышала, что у нее теперь есть парень. Она уже была с ним какое-то время. Сейчас здесь живу я, — она выпятила для него свою грудь. — Все в порядке? Хочешь меня?

Мужчина от услуг вежливо отказался. Ему было холодно. Естественно, он хотел, чтобы Лавидия нашла себе квартиру получше и в менее опасном районе. Но он был уверен, что найдет ее здесь! Что ему теперь делать?

Так как у него не было идей, куда могла пойти Лавидия, он решил провести ночь в своем доме в Гроновер и на следующее утро возобновить ее поиски.

Мгновение Эверетт пристально смотрел на свой дом. Свет нигде не горел. Почему? Должно быть, Лавидия закончила работать над фресками несколько часов назад. И слуги, которые не ожидали его возвращения, наверное, легли спать пораньше. По меньшей мере, сейчас ему придется разбудить дворецкого — Херли. Возможно ему, Лавидия оставила свой новый адрес.

Мужчина ударил по двери дверным молотком.

Немного погодя, сонный Херли с опаской приоткрыл дверь.

— Кто... — мужчина запнулся. — О, это вы, милорд.

Эверетт протиснулся мимо него в холл.

— Вы хотите остаться на ночь, милорд?

Действительно, маркиз и забыл, что предупредил слугу, что вернется в дом только тогда, когда закончатся малярные работы. И поэтому планировал ночевать в холостяцкой квартире, даже если будет навещать свою тетюшку, которая жила за городом. И снова возвращаться туда же. Потому что не хотел возвращаться в Лондон, если только Херли не сообщит ему, что картины готовы.

Черт, если он не собирался ехать в гостиницу, тогда ему не оставалось ничего другого, как переночевать здесь!

— Да, — решил Эверетт, — я останусь.

Дворецкий пробурчал что-то неразборчивое, а затем добавил:

— Кто-нибудь должен застелить вам постель. В одной из комнат для гостей. В вашей спальне в данный момент жить нельзя. Повсюду стоят цветы и... — он посмотрел на своего хозяина укоризненным взглядом. — Миссис Херли считает, что эти картины нужно спрятать, прежде чем привести в комнату кого-то уважаемого. Ее почти хватил удар, когда она впервые увидела их... эту грешную халтуру.

Эверетт вступил в спальню и нашел очаровательными свои сны и фантазии в картинах на стенах.

Там был Бог Аполлон, перед которым стояла нимфа на носочках и тянула к нему руки, чтобы поцеловать его. Женщина мечтала прикоснуться к нему губами. Сколько тоски, сколько страсти выражал мотив!

«И у Бога мое лицо», — подумал Эверетт, — «почему я не заметил этого раньше?»

Какой восторг выражало его лицо на картине, на которой нимфа стояла перед ним на коленях, чтобы сделать его счастливым... скрытая за покрывалом своих золотисто-рыжих локонов... поцелуем Венеры!

Затем следующая картина. Ах, этот сладкий момент преданности и успокоения! Лавидия, тесно прижатая к своему возлюбленному. Он и она — две половинки единого целого, соединенные одной любовной игрой.

И, наконец, последний мотив. Спящая Лавидия, прижавшаяся к нему, укрытая в его руках. Навсегда.

Она запечатлела свои мечты на его стенах. Те сны, которые посещали его ночью. И, в конце концов, она также нарисовала еще одну мечту, о которой он до сих пор не решался грезить: мечту о постоянном счастье.

Позади него кто-то вздохнул, и мужчина обернулся.

Она была там. Заспанная, со спутанными волосами и испуганными глазами, она сидела на его кровати.

— Должно быть, я заснула, — ее голос прозвучал хрипло, но у девушки был такой соблазнительный вид, что по его спине пробежали мурашки.

«Какого это будет, проснуться завтра рядом с Лавидией... рядом с ее мягким, теплым телом?»

В ее золотисто-карих глазах отражалась неуверенность, а также любовь и желание.

— Почему вы здесь? — поинтересовалась она.

— Потому что Дэвид Уинслоу рассказал мне, что Лионель умер, — это все что он знал. Внутри мужчины бушевала дикая неразбериха из чувств. Что конкретно он сейчас испытывал, маркиз даже описать не сумел бы. Казалось, что тот факт, что она утаила о смерти своего брата, разрывал его. — Почему ты обманула меня?

В ее глазах заблестели слезы.

— Я не могла говорить об этом. Я чувствую себя такой виноватой. Я...

Несколькими шагами Эверетт преодолел расстояние между ними и обнял Лавидию.

— Проклятье, — воскликнул он, — это была не твоя ошибка! Ты не могла это предотвратить! — он притянул девушку к себе так, чтобы ее голова прижалась к его груди, прямо поверх сердца. Кое-что из того, что произошло, маркиз узнал от Дэвида. Но по какой-то причине, он должен был услышать это из уст Лавидии.

Девушка едва не давилась воздухом.

— Мне не следовало оставлять его одного, — вымученно прошептала она, — он хотел на пляж. И я отвела его туда. Но когда он попросил меня принести что-нибудь попить... я оставила его сидящим на песке, где он был в безопасности, и пошла назад в нашу квартиру, чтобы принести ему чего-нибудь.

Эверетт покрыл ее голову россыпью поцелуев.

— Это была не твоя вина.

— Я должна была остаться с ним, — Лавидия отстранилась от мужчины. — В конце концов, я знала, как ужасно для него было стать слепым. Когда я вернулась... — ее голос сорвался. И в течение некоторого времени были слышны только ее рыдания.

Эверетт снова обнял любимую. Дэвид рассказал ему, что она нашла на пляже только кучу его одежды и следы, которые вели в воду.

— Ты нарисовала тот пляж.

— Да, — в ее взгляде отразилась глубокая печаль. Даже после всех тех месяцев, Лавидия не понимала, почему она вернулась с цветами и своим мольбертом в то место, где умер ее брат. Это было вечером того дня, когда рыбаки привезли труп Лионеля. Девушка ощутила потребность запечатлеть уединенность, которая исходила от пляжа, от бесконечного моря и небольших волн, которые оставляли непостоянные узоры на песке. И пока она рисовала, она так сильно желала, чтобы кто-нибудь обнял ее и заверил, что это только страшный сон.

Несбыточная мечта. Такая же невыполнимая как та, которую она лелеяла теперь...

Лавидия снова высвободилась из объятий Эверетта. От того, что мужчина даже не попытался удержать ее, стало больно.

— Сейчас мне пора идти. Я хотела только немного отдохнуть, — она вытерла слезы, схватила старое пальто Лионеля, которое лежало в изголовье кровати и бросилась к двери.

— Ты действительно хочешь уйти, Лавидия? — маркиз наблюдал за каждым ее движением. Его глаза потемнели, и он сжал руки в кулаки.

— То, чего я хочу, не имеет с этим ничего общего, — спокойно ответила девушка. — Ведь все всегда вращается только вокруг того, чего хотите вы.

Маркиз вздрогнул.

— Ради Бога, Лавидия, я был глупым мальчишкой!

— Да, — кивнула она. — А я была еще моложе и глупее. Я действительно верила, что это было навсегда. Но мне уже не шестнадцать и теперь я знаю правду. Лионель объяснил мне, как все происходит, — тихий вздох. — Так как вы больше не приходили, Эверетт, мне пришлось поверить его словам. Я вам надоела.

— Нет! Нет, этого не было! Я только понял, что совершил ошибку. Мне не следовало соблазнять тебя той ночью... — от отчаяния мужчина провел рукой по своим волосам. — Той ночью, когда я уже собирался уехать, домой вернулся Лионель. Он сразу понял, что произошло. И на следующий день он разыскал меня, чтобы объясниться. Естественно, он был прав. Я был эгоистичным негодяем, который просто взял то, что хотел, не подумав о последствиях. Тем, кто заставил себя не думать о том, что он нарушил своим поведением. И чтобы не увеличивать список своих преступлений, я должен был держаться от тебя подальше. Лионель недвусмысленно мне это разъяснил.

— Это была не только ваша ошибка, — тихо сказала Лавидия. — Я тоже хотела вас. Если я...

— Пожалуйста! — его голос отражал все мучения мужчины. — Ты не должна корить себя. Я — единственный, кто виноват. Я был старше и опытнее. Я должен был прекратить прежде, чем... — маркиз прервался, чтобы вздохнуть, а затем продолжил более спокойно. — Откуда ты узнала о настенных фресках, которые я хотел заказать у художника?

— Мне рассказал Колби, когда я его случайно встретила.

— Колби?

— Он ужасно злился, что вы отказались от его проектов, — Лавидия сглотнула. — У меня были эскизы Лионеля, которые он когда-то нарисовал для вас и скрывал от меня, — она покраснела. — Я говорю о набросках для обнаженных картин. Кроме того, у меня тоже были собственные эскизы и, конечно, мои воспоминания... Было несложно придумать эскизы для настенных фресок. Когда я посылала вам наброски, то очень надеялась, что вы не узнаете, что их нарисовала я.

— Почему?

— Потому что мне не нужна милостыня! Я хочу, чтобы мои картины нашли признание самостоятельно.

— Ну, я был в восторге. Как только я узнал бы, что это ты... — Эверетт покачал головой. — Я не понимаю тебя, Лавидия! Почему, когда я отдал заказ тебе, ты не захотела сказать мне правду? Надеюсь, ты не подумала, что я захочу воспользоваться твоей трудной ситуацией? — мужчина побледнел. — Скажи мне, что ты так не подумала!

Глава 11

Девушка посмотрела на его бледное лицо и отвела свой взгляд. В конце концов, это были его глаза, которые показывали, насколько он сожалел о своих ранних ошибках, насколько презирал себя за то, что сделал. Лавидия понимала, насколько сильно маркиз боялся, что она никогда не простит его.

— Лавидия, — прошептал он, — после смерти Лионеля ты была одна. У тебя едва ли была возможность позаботиться о средствах для существования. Ты должна была пойти...

— Нет! — о, Боже, он боялся, что ей пришлось продавать свое тело, чтобы выжить! — Нет, так плохо никогда не было. И естественно, я не думала о том, что вы захотите воспользоваться моим финансовым бедственным положением.

Мужчина слегка расслабился.

— Слава Богу! Но почему тогда ты промолчала о смерти своего брата?

— Я не хотела, чтобы вы отдали мне заказ только потому, что я — сестра Лионеля. После всего, что произошло, было бы неприятно, если бы вы одобрили эскизы только потому, что они мои. Это не было бы признанием меня как художницы, чего я от вас желала. Я хотела... — она испуганно зажала рукой свой рот и снова повернулась к двери.

— Что ты хотела?

Его голос звучал настолько мягко, что Лавидия, которая уже положила свою руку на щеколду, остановилась. Девушка не решилась повернуться к Эверетту. Но она чувствовала, что должна была ответить ему честно. Поэтому она слегка повернула голову, оглянулась через плечо и ответила:

— Вас. Никого кроме вас. Я всегда хотела только вас, Эверетт.

Лавидия заметила, как ее слова поразили маркиза.

Он не двинулся, а только молчал и пристально на нее смотрел. После чего, наконец, произнес:

— Я не заслуживаю твою любовь, — прошептал мужчина. Он медленно покачал головой, как будто только что очнулся ото сна. И неожиданно его глаза вспыхнули. — Лавидия, — он протянул к ней руку, — тогда иди сюда и возьми меня.

— Вы уже обручены? — она так сильно жаждала его, но никогда бы не совершила грех — переспать с мужчиной, который принадлежал другой.

— Нет. И я определенно не обручусь с одной из упомянутых дам. Мы выяснили, что не подходим друг другу.

Девушка помедлила. Было так много причин, по которым не стоило брать Эверетта за руку. Но когда она посмотрела в его синие глаза, все преграды, казалось, растворились в воздухе. Ее сердце оказалось сильнее, чем разум. И она шагнула к возлюбленному.

Мужчина нахмурился.

Сердце Лавидии замерло.

— Эверетт?

На мгновение он выглядел озадаченным.

— Мне... это снилось.

О, и ей тоже. Как много раз в течение этих лет она скучала по нему, как мучительно ей его не хватало и поэтому она старалась сохранить воспоминания о том, как чудесно было ощущать себя в его руках.

Эверетт притянул Лавидию к себе.

И снова с ними было это ощущение. Такое теплое, такое чудесное... Каким он был

сильным! Она откинула голову назад в ожидании, что теперь мужчина ее поцелует. Но вместо этого он взял в свои руки ее лицо и заглянул в глубину ее глаз. Она ответила на его взгляд и попыталась впитать в себя каждую черточку любимого лица. А затем, что-то сверкнуло в его потемневших глазах, которые захватили все ее внимание.

Дрожащими пальцами Эверетт провел по линии ее подбородка. На мгновение он почувствовал пульс Лавидии, который начал биться сильнее. А потом мужчина очень легко коснулся ее нижней губы. Она задышала быстро и прерывисто. Так же, как это было тогда.

Но, тем не менее, сейчас все было по-другому. Тогда он обошелся с ней мягко, но далеко не так трепетно, как теперь. Шесть лет назад Эверетт показал себя заботливым и предупредительным. А теперь, едва ли решался коснуться ее, хотя внутренняя потребность заставляла его делать это.

Ее нервы были напряжены до предела, когда она встала на кончики пальцев, чтобы поцеловать его. Теперь вся ее тоска, вся ее любовь, которую девушка старалась скрыть из гордости и страха перед ним, оказались на поверхности. И ей было безразлично, что он хорошо знал о ее чувствах к нему.

Мужчина поцеловал Лавидию, и она ответила ему со всей страстью. Эверетт проник ей в рот языком, погладил им губы, и дал ей почувствовать, насколько горячим было его желание. Вздохнув, девушка отдалась его ласкам, пока в ней росло желание.

— Лавидия? — когда он оторвался от ее рта, его голос дрожал. — Если ты этого не хочешь, скажи мне сейчас!

Девушка только вздохнула. Она не знала, что подразумевал под «этим» Эверетт. Короткий роман? Или более долгосрочную любовную связь? На самом деле это было ей безразлично, потому что она точно знала, что хотела быть вместе с ним. Сейчас и в будущем, столько, сколько это будет возможно.

Лавидия протянула руку и погладив его по щеке, увидела, как особенный свет засиял в глазах Эверетта.

— Я хочу тебя, — прошептала она и застонала, когда он немного повернул голову, чтобы прикусить ее палец. Что-то удивительно теплое взорвалось в ней.

— И я хочу тебя, — тихо ответил маркиз. Он на ощупь поискал пальцами пуговицы на наряде, нашел верхнюю и расстегнул ее. — Я хочу тебя, — повторил Эверетт. Дыхание, слетавшее в губ мужчины, ощущалось легким как ветерок и бесконечно нежным, пока его пальцы расстегивали уже следующую пуговицу. — Я хочу тебя всю, — его рука неожиданно оказалась под тканью и обхватила девичью грудь. — Я хочу тебя сейчас и навсегда.

Лавидия чувствовала, как своими пальцами, мужчина оставлял огненный след на ее коже. Она громко застонала.

— Это будет не только этой ночью, ты понимаешь, Лавидия? — мужчина наклонял голову до тех пор, пока она не оказалась около шеи девушки, где артерия пульсировала в унисон с ее сердцем. Он провел языком по чувствительному месту и начал нежно посасывать кожу. — Я никогда больше не смогу отпустить тебя, — прошептал маркиз. — На этот раз ты должна остаться со мной. Я возьму тебя и никому не отдам.

— О, да, — прошептала Лавидия и прижалась к нему. — Пожалуйста, возьми меня! Его сердце забило быстрее.

— Ты готова довериться мне еще раз? Только Бог знает, за что я это заслужил. В конце концов, я поклялся никогда тебя больше не соблазнять.

Тем временем, он продвинул свою руку под одеждой Лавидии. Боже, какой чудесно

мягкой и бархатной ощущалась ее кожа! Счастье затопило мужчину. И он забыл все, что собирался сказать.

Лавидия снова почувствовала, как вместе с этим чудесным и в то же время пугающим желанием, которое росло в ней, в ней пробуждалась смелость. Она опустила свои руки вниз и нашла пуговицы, на которые были застегнуты его брюки.

— В этот раз ты не соблазняешь меня, — произнесла Лавидия.

Ее голос звучал отчужденно, но каждое слово ощущалось для него словно ласка.

— В этот раз моя очередь, — она расстегнула на нем брюки.

Ему пришлось призвать все свое самообладание, чтобы не прижать Лавидию к себе еще крепче, не опустить на пол и не взять ее прямо на ковре.

От напряжения он даже не понял то, что она ему прошептала.

— Что, прости? — пробормотал мужчина.

— В этот раз я соблазняю тебя, — своей изящной маленькой рукой она скользнула вниз и обхватила его эрекцию.

«*Господи Боже!*» От удовольствия Эверетт громко застонал.

Лавидия продолжила смело ласкать его своей маленькой ручкой до тех пор, пока сердце маркиза не забилося еще быстрее.

— Моя милая! — он протянул свою большую ладонь и накрыл сверху ее руку. Затем Лавидия почувствовала его рот на своих губах. Они жадно целовались, позабыв обо всем вокруг.

Не прерывая поцелуй, они продолжали раздевать друг друга. Скоро пол был усыпан предметами одежды. Брюки и жилет Эверетта. Платье и нижняя юбка Лавидии. Теперь она была одета только в корсаж и почти прозрачную тонкую нижнюю рубашку. Свет лампы отражал розовое мерцание ее кожи. Волосы девушки блестели словно золото.

Она протянула руки, чтобы снять с Эверетта рубашку. И вскоре та уже лежала на полу среди других предметов одежды.

Мужчине понадобилось немного больше времени, чтобы расстегнуть на ней корсаж. Но это тоже удалось. Она освободилась от него и теперь стояла в одной тонкой рубашке, которая не скрывала от Эверетта ее красоты. Он посмотрел на нее и внезапно у маркиза перехватило дыхание. Он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Поэтому просто протянул руки, чтобы прижать красавицу к себе.

Но она отрицательно покачала головой.

Мужчина застыл. Он делал все слишком быстро? Он напугал ее?

— Подожди, — попросила она. Ее голос был едва слышен.

Конечно, он подождет, даже если ему придется не сладко. Она дала ему понять, что никогда не была вместе с другим мужчиной, кроме него. И их соединение запоздало на шесть лет. Неудивительно, что ей нужно было время. Ну, теперь он должен был набраться терпения!

К его удивлению, Лавидия покраснела и сняла свою рубашку через голову.

Эверетт едва мог дышать, так он был теперь возбужден. Его мышцы были напряжены, а нервы, кажется, дрожали; его желание было настолько сильным, что ему было больно. Он стоял, не двигаясь, пока сердце мужчины билось в неистовом ритме.

Мгновение она тоже не двигалась. Девушка все еще держала рубашку в руках, как будто размышляла, не зашла ли она слишком далеко и не должна ли она снова ее надеть.

Ее неуверенность и нерешительность доказывали Эверетту, что она никогда не была с

другим мужчиной.

Чтобы преодолеть ее робость, он посмотрел ей прямо в глаза. А затем принялся избавляться от остальной одежды, пока не оказался перед ней обнаженным.

Лавидия не могла отвести от него взгляд. Она глубоко дышала. Девушка разжала пальцы, сжимающие материал рубашки. Сорочка упала на пол.

Свет и тени отбрасывали возбуждающие образы на ее тело. Огни, казалось, танцевали на ее крепких грудях, тонкой талии, женственной округлости бедер и заманчивом треугольнике между ними. Огни, казалось, полыхали в ее волосах и вспыхивали в глазах.

А потом Лавидия подняла руку. Она помедлила и легонько коснулась его груди, исследуя ее пальцами.

У него перехватило дыхание, и мужчина испугался, что не сможет сдерживаться и дальше. Было так тяжело сохранять самообладание! Но в тоже время так чудесно! Знала ли вообще Лавидия, что делала с ним?

Она поглаживала его сосок круговыми движениями до тех пор, пока тот не затвердел.

Эверетт стиснул зубы, прижал руки к бокам и сжал их в кулаки, чтобы только не схватить Лавидию и не бросить на кровать, чтобы покончить с этим сладким мучением.

— Ты лишаешь меня разума, — простонал он.

Ее улыбка подтвердила, что это было именно тем, что она запланировала.

Девушка наклонилась немного вперед, чтобы обласкать его грудь влажными поцелуями и маленькими любовными покусываниями. Она нашла своими губами другой сосок и облизала его. Эверетт стоял неподвижно, все его мышцы были напряжены. О, Боже, как он должен был это выдержать? Лавидия быстро провела языком по его затвердевшему соску. А затем она отстранилась и, казалось, решила отступить.

Эверетт хотел умолять о том, чтобы она не останавливалась. Но прежде чем он обрел свой голос, мужчина снова почувствовал ее губы на своей коже. О... Она слегка пососала его сосок, а потом покрыла маленькими поцелуями кожу до самого пупка. Какое мучение и наслаждение!

Мужчина подумал, что начал грезить, когда она опустилась перед ним на колени, ухватилась за пояс брюк и медленно потянула их вниз. Она же не собиралась... Он недоверчиво посмотрел на ее макушку.

— Лавидия, дорогая, тебе не нужно... — маркиз не смог закончить фразу, потому что ее губы коснулись его стержня. В поисках опоры он протянул свои руки и пальцами зарылся в золотисто-рыжие локоны.

Глава 12

Лавидия чувствовала, как сгорала изнутри. Ее сердце сошло с ума. А колени так ослабли, что она, пожалуй, упала бы на пол, если бы уже не стояла на коленях. Девушка не могла прекратить ласкать Эверетта. Он был таким мужественным! Как хорошо он ощущался и каким чудесным был на вкус!

«Я не должна чувствовать себя смирной и покорной, когда стою перед мужчиной на коленях», — пронеслось у нее в голове. Но она отбросила эту мысль. На самом деле, она чувствовала, что обладала огромной силой. И никогда прежде она не чувствовала себя такой женственной.

Эверетт громко застонал, когда она окружила его член и нежно сжала. Горячая дрожь прошла по телу мужчины. Лавидия знала, что его влечение к ней не прошло. Он хотел ее

больше всего на свете. Так же как она хотела его всего.

Девушка решилась поцеловать эту, самую мужскую часть его тела. Эверетт задрожал. О, ей понравилось так его ласкать.

«*Моя мечта сбылась!*» — Эверетт едва ли мог ясно мыслить. Пока он чувствовал там губы Лавидии и ее язык, казалось, что его разум испарился. Были только чувства, ощущения, каких он до сих пор не испытывал! Он ахал, стонал и произносил негромкие звуки. Звуки, которые заставляли быстрее биться ее сердце и поощряли девушку, отбросить все существующие последние препятствия.

Он сладострастно содрогнулся, когда она начала нежно сосать. Лавидия была нимфой, которая почитала Бога и передавала ему поцелуй Венеры. Только он был не Богом, а ее рабом. Она лишила его дыхания. Он сделает все для нее! Если раньше не сойдет с ума от счастья... Боже, Эверетт просто не мог больше этого выдержать. Желание грозило поглотить его. Он должен был что-то сделать!

Дрожащими руками мужчина схватил Лавидию за плечи.

— Хватит, — произнес он голосом, едва ли похожим на свой собственный.

Девушка приподняла голову. Она выглядела немного смущенной, потому что боялась сделать что-то неправильно.

— Вставай! — поднял ее маркиз. — Теперь моя очередь, — он поцеловал ее долгим и страстным поцелуем и, наконец, оторвавшись от нее, прошептал: — Ты уже давно соблазнила меня.

Ее глаза торжествующе блеснули.

А затем Эверетт подхватил ее на руки и отнес на кровать. Он тут же растянулся рядом с девушкой, наполовину накрыв ее своим телом, и коленом раздвинул ее ноги. Мужчина мог сразу же проникнуть в нее. Он овладел бы ею, чтобы сделать своей навсегда. Она была такой женственной, мягкой и отзывчивой! И одновременно такой чувственной, смелой и страстной! Казалось, что в ее светло-карих глазах танцевал огонь. Ее щеки были розовыми. А какой совершенной выглядела ее грудь!

— Милый... — она подняла руки и ласково провела по его волосам, а потом обняла за шею и притянула к себе. Губами девушка отыскала его рот.

Эверетт жадно ответил на ее поцелуй.

Она извивалась под ним, но не от тяжести его веса, ведь мужчина лежал на ней не полностью, а чтобы оказаться к нему как можно ближе. Она так сильно желала его, потому что мечтала быть только с ним одним. Лавидия хотела чувствовать его всюду, хотела так хорошо познакомиться с каждой частью его тела, чтобы это навсегда запечатлелось в ее памяти. Она провела своими пальцами по линии его позвоночника, медленно, начиная сверху, а затем дальше вниз, до тех пор, пока, наконец, не положила свои руки на его ягодицы и не схватила их, крепко сжимая. Одновременно она поднимала ему навстречу свои бедра.

Девушка была готова открыться для него. Она сгорала от желания отдаться любимому! Сейчас Эверетт с легкостью мог бы взять ее. Но маркиз хотел большего. Ему не хватало того, что она предлагала ему. Он тоже хотел отдавать.

Мужчина хотел доказать ей, что на этот раз будет не просто одна ночь. Эверетт должен был заставить ее поверить в свое обещание. Поэтому он оторвался от ее рта, чуть-чуть приподнял голову и посмотрел на Лавидию. Он с нежностью рассматривал ее лицо: мягкий изгиб щеки, маленький нос, опухшие от поцелуев, ярко-красные, слегка приоткрытые губы.

— Эверетт?

— Сейчас, моя дорогая, — кончиком своего пальца он провел по ее нижней губе. Лавидия издала негромкий звук, от которого желание вспыхнуло в нем с новой силой. Она прижалась к нему. Какой она была чувственной! Какой сладкой и соблазнительной! Он никогда не устанет исследовать все ее особенно чувствительные места на теле.

Мужчина заскользил по ее телу вниз, чтобы лучше рассмотреть возлюбленную. Все ее прекрасные женственные изгибы. Опершись на локоть, он стал гладить ее повсюду. Шею, округлые груди, твердые соски, мягкий живот и самое интимное место на теле.

— Пожалуйста, — начала умолять Лавидия, — ох, пожалуйста, Эверетт, — она прерывисто задыхалась. Ее глаза были темными от страсти.

Но он еще не был готов исполнить ее желание. Сейчас мужчина хотел боготворить Лавидию. Она была женщиной, которой он собирался поклоняться как богине, и которой желал доставить невероятное наслаждение. Эверетт гладил и целовал так, чтобы она поняла, как велика его любовь к ней.

Девушка жалобно застонала от желания, когда почувствовала на себе его губы буквально повсюду. Казалось, что там, где Эверетт касался ее своими пальцами, кожа горела. Она никогда не испытывала ничего более прекрасного. Это было сладкое мучение, которое едва ли можно было вынести и которое казалось никогда не закончится. Но она не сможет долго выносить эту сладостную боль!

— Эверетт, пожалуйста...

Теперь его пальцы были там, где желание горело сильнее всего. Мужчина ласкал Лавидию до тех пор, пока она не подумала, что лишится разума. Она подняла свои бедра, сильнее прижимая их к его рукам. Но Эверетт убрал свои пальцы, чтобы погладить бархатную кожу на внутренней стороне ее бедер. Это было невыносимо. Это было великолепно. Это было... О, Боже для этого просто не было слов!

Она почувствовала на своем теле его горячий рот. Своим языком Эверетт закружил вокруг ее пупка. Как хорошо это ощущалось, как грешно и божественно одновременно. И как было опьяняюще, когда его рука вернулась к тому месту, где она хотела, чтобы он касался ее больше всего!

А затем Эверетт выпрямился. Лавидия не могла оторвать свой взгляд от его мужественного тела, когда он встал на колени между ее бедер. Он все еще нежно гладил то невероятно чувствительное место. Постепенно его ласки стали быстрее. Мужчина осторожно проник в нее двумя пальцами. Она закричала от наслаждения. Да, она была готова принять его в себя.

Ах, как же сильно он желал соединиться с ней!

Но Эверетт еще не подарил ей все, что собирался. Он скользнул вниз, наклонил голову и убрал руку, чтобы продолжить ртом то, что начал делать пальцами.

Лавидия ахнула и застонала.

Он схватил ее за бедра, чтобы она не двигалась слишком быстро. И принялся ласкать ее так, как она никогда не считала возможным. Теперь она чувствовала себя богиней, которую почитал смертный.

Его желание росло вместе с ее наслаждением. Пульс бился в таком же диком ритме, что и сердце. Каждый вдох был мольбой о освобождении. Они *должны были* стать единым целым.

Наконец, Эверетт поднял голову. Он больше не мог ждать.

— Пожалуйста... — вымолвила Лавидия.

— Да, моя драгоценная!

Мужчина проник в нее и почувствовал, как она приняла его, словно они всегда были одним целым.

Девушка вцепилась в Эверетта, обвила своими ногами его бедра и испустила глубокий вздох:

— О...

— Любимая, Лавидия! — он долго оставался неподвижным, находясь глубоко-глубоко внутри нее. Лишь бы не причинить ей боль! Она была такой узкой и...

Девушка открыла глаза и смотрела на него взглядом, полным любви, но также смутившись от того, что он остановился. Умоляя...

— Эверетт, любимый, пожалуйста... — если он не продолжит, она умрет! Лавидия приподняла свои бедра, крепче прижимаясь к телу возлюбленного.

Теперь маркиз понял, что она хотела того же, что и он, и что любимая чувствовала не боль, а желание. Он осторожно начал двигаться. Она подстроилась под его ритм. Быстрее и быстрее.

Они забыли обо всем. Забыли, что существовал мир вне стен этой комнаты, забыли, что они были двумя отдельными людьми. Они сливались и растворялись друг в друге.

Каждое движение являлось доказательством их любви. Каждый поцелуй, каждое соприкосновение вело их ближе к разрядке. Они обнимали друг друга. Чувствовали, как в них вспыхивал огонь желания. Знали, что приближались к пропасти и не боясь упасть туда — падали.

В экстазе они цеплялись друг за друга, выкрикивая вслух о своем счастье. Мышцы сжимались. Чувства взрывались. Мир рушился.

Они не подумали о том, чтобы задернуть шторы. И бледный утренний рассвет медленно вползал в комнату, принося с собой красноватый свет восходящего солнца. Мужчина откинулся на золотистые локоны Лавидии, которые разметались по его груди и белой подушке.

Эверетт проснулся. Он рассматривал это золотое великолепие, путешествуя взглядом по прекрасному женственному телу Лавидии. Она лежала, тесно прижавшись к нему, и ее рука отдыхала на его сердце.

Она была настолько прекрасной, что было больно смотреть.

Маркиз взял ее за руку, поднес к губам и поцеловал каждый пальчик по отдельности. Спустя некоторое время он начал покусывать мочку ее уха.

— У нас есть проблема, — тихо сказал Эверетт.

— Хм... — пробормотала девушка не открывая глаз и крепче прижалась к нему.

Он снова возбудился. Станет ли Лавидия возражать против того, чтобы он снова доказал ей свою любовь? Сейчас он это узнает! Хитрая улыбка мелькнула на лице мужчины, когда он произнес:

— Я думаю, что делать с твоими фресками. Наверное, я подберу приличные обои и дам кому-нибудь наказ заклеить их.

— Что! — Лавидия неожиданно села, заметила, что была голой и натянула одеяло на свою грудь. — Ты этого точно не сделаешь!

Со смехом он откинул одеяло.

— Скорее всего, ты не понимаешь, какой скандал вызовут эти картины.

— Ты думаешь, что твое общество не простит тебе того, что ты украсил стены картинами своей фаворитки? — теперь девушка окончательно проснулась и ее глаза гневно заблестели. — Ты должен был об этом побеспокоиться прежде, чем позволил нарисовать их, — она попыталась забрать одеяло обратно, глядя на Эверетта с негодованием.

Он тоже возмущенно посмотрел на нее.

— О какой фаворитке ты говоришь? К черту всех фавориток. Высшее общество не простит мне того, что я украсил стены своей спальни фресками, на которых моя жена в таких непристойных позах.

В комнате стало очень тихо. Только через некоторое время Лавидия прошептала:

— Твоя жена?

— Моя жена! — твердо повторил Эверетт. — Я могу быть эгоистичным негодяем, как сказал Лионель, но я не дурак. Я никогда не совершаю дважды одну и ту же ошибку. Я не хочу терять тебя снова. Ты забыла, что я сказал, что никому тебя не отдам? Ты обещала, что останешься со мной.

Ее сердце бешено заколотилось в груди.

— Я помню то, о чем ты говорил. Но, для того, чтобы я была с тобой, тебе не обязательно на мне жениться, — разве она, когда-нибудь сможет забыть его слова? То, что он шептал ей прошлой ночью навсегда останется в ее памяти. Он клялся, что любил ее. Но не говорил о бракосочетании. Зачем? Она призналась ему, что ответит на его любовь. Она отдалась ему. Она и так принадлежала ему. — И я с тобой. Я лежу в твоей кровати. Ты знаешь, я подумала, что ты захочешь сделать меня своей любовницей. Только потому, что я — сестра Лионеля, тебе не нужно...

— Остановись! — прервал ее мужчина. Он заключил девушку в объятия и убрал с ее лба локон. — В первую очередь ты — Лавидия и только потом сестра Лионеля. Я женюсь на тебе потому, что люблю тебя.

Ее сердце дрогнуло. Голос Эверетта был таким нежным и то, что он говорил было таким важным. Его голос подтверждал ей, сколько она значила для него. Лавидия больше не сомневалась в том, что он любил ее. Тем не менее, факт оставался фактом, он был виконтом, а она — никем.

— Твоя семья не даст согласия, — начала она. — У меня нет приданого или связей с высшим обществом. Никто не будет рад сестре художника. Кроме того, я рисую. Я должна рисовать. Я не могу это прекратить!

Маркиз громко рассмеялся.

— Кто заставляет тебя бросить рисование?

— Так ты не ожидаешь этого от меня? — Лавидия не могла поверить, что Эверетт на самом деле хотел жениться на ней. Без сомнений, она бы стала его женой, если бы он позволил ей работать и дальше.

— Нет.

Наверное, он думал, что она будет заниматься живописью как хобби.

— Живопись — это моя профессия, — серьезно объяснила она, — я не хочу отказываться от нее.

— Своими заработанными деньгами ты возместишь мне отсутствие приданого, — пошутил Эверетт. — Ты должна только пообещать мне, что картины с собой обнаженной продашь самое большее мне. Я настаиваю.

Она покраснела от негодования. И мужчина довольно улыбнулся.

— То, что касается моих родственников, — объявил он, — их мнение меня особо не интересует. Впрочем, я уверен, что они постараются быть милыми с тобой, как только поймут, что у них нет другого выбора.

Его мысли вернулись к Фиби Ангастон.

— К тому же, мне кажется, что у тебя уже есть подруга, которая принадлежит к высшему обществу, — Эверетт не сомневался в том, что мисс Ангастон воспользуется своим влиянием на пользу Лавидии. Можно начать с того, что Лавидия нарисует портрет Фиби. — Кроме того, — широким жестом он указал на картины, — я должен жениться на тебе хотя бы потому, что не смогу делить эту спальню ни с одной другой женщиной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net